

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

№ 6 (44)/2011
ИЮНЬ

Культурно-просветительское художественное издание

Владимир ТЫЦКИХ

с. 2

В пути. Фото Алексея БОГДАНОВА, г. Хабаровск

© «ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН»
Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Тел. (+7) 914-666-1-999
(с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор –

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора, г. Хабаровск.

Ирина БАНКРАШКОВА, г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Эльвира КОЧЕТКОВА, г. Владивосток.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Юрий КАБАНКОВ,
Валентин КУРБАТОВ,
Георгий НАЗИМОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ,
Владимир ТЫЦКИХ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объем издания – 3,5 печатных листа.
Тираж 600 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику
и фактически 17 мая в 17-00.

Отпечатано в ООО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ
НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Июнь 2011 года

№ 6 (44)

- с. 2. **Путеводитель.** Владимир ТЫЦКИХ
- с. 4. **Проза.** Сергей КУЗИЧКИН
- с. 7. **Маэстро.** Евгений ВЕСНИК
- с. 8. **Пристальный взгляд.** Руслана ЛЯШЕВА
- с. 11. **Поэзия.** Марина САВВИНЫХ
- с. 12. **Поэзия.** Игорь ХОХЛОВ
- с. 13. **Поэзия.** Галина АХМЕТГАЛЕЕВА
- с. 14. **Поэзия.** Вячеслав ПРОТАСОВ
- с. 15. **Поэзия.** Андрей КОЗЫРЕВ
- с. 16. **Поэзия.** Павел ВЛАСОВ
- с. 17. **Поэзия.** Иван ТАРАН
- с. 18. **Проза.** Георгий ЛАПОДУШ
- с. 20. **Проза.** Елена СУПРАНОВА
- с. 24. **Наболело!** Виктор ВЛАСОВ
- с. 26. **Проза.** Ирина ШУКЛИНА
- с. 27. **Письмо в редакцию.** Антон СЛЕПНЁВ

УРОКИ МАСТЕРОВ

Владимир ТЫЦКИХ,
г. Владивосток

Мы иногда печатаем (не только «Сихотэ-Алинь» с «Литературным меридианом», но – даже в большей мере – тьма других изданий) стихи, написанные по правилам, которые посчитали для себя подходящими сами авторы. Случается, эти правила никак не учитывают законы языка. А бывает – и законы логики. В результате появляются строки, заставляющие вспомнить сакраментальное: «Казнить нельзя помиловать». Поэзия всё это терпит. Возможно, она и должна быть терпеливой – чтобы отвечать всем вкусам и запросам, в коих и авторы, и читатели бесконечно многообразны и изобретательны. Но лично я не знаю, как к этому относиться.

Не могу, например, определить своё отношение к стихам без знаков препинания. Очевидно, простого объяснения этому явлению нет. Означенный литературный артефакт весьма распространён не исключительно из-за того, что авторы, отказывающиеся от надоедливых запятушек, не в ладах с родным языком. Есть, конечно, и такие – это вообще не редкость, когда сочинительством занимаются не совсем грамотные, а то и совсем безграмотные люди. Однако немалое количество авторов, прибегающих к броскому творческому приёму, в общем-то, не плохо и даже хорошо знают, где должно ставить всевозможные точки-тире. Мне кажется, в стихотворных текстах без знаков препинания поэзии меньше, чем авторского эпатажа и стремления обратить на себя внимание ещё и таким способом. Отдавая дань версификаторским умениям, демонстрирующим себя в таких произведениях, я не в силах избавиться от ощущения, что, прежде всего, вижу, КАК ЭТО СДЕЛАНО. То есть восприятию стихотворения мешают его формальные свойства, крикливо (или кокетливо) требующие признания и как бы уводящие содержание на второй план. Конечно, такая реакция может быть следствием индивидуального вкуса, ни для кого другого не обязательного.

Казалось бы, не самый сложный элемент стихотворения – строка. От неё в огромной мере зависит качество всего произведения, в первую очередь, его ритмика и музыкальность, но сейчас речь не об этом. Речь вроде бы о чём-то элементарном – как эта самая строка записана или напечатана. Вот очень, по-моему, интересный поэт Николай Ушаков, его стихотворение «В цирке».

Над весёлым кругом манежным
лампы первой величины,
лёгкой музыкой –
вальсом нежным –
конь и всадник увлечены.
Отдых смутный

и воздух сладкий,
и не дышат
и дышат все.

Сердце кружится акробаткой
в неожиданном колесе.

Ловкий клоун, судьбу кувыркой!
Без трамплина и гамака
мы летим через купол цирка
в проплывающие облака.

Кресла дальше,
туманы ближе,
и сквозь них –
рассыпной костёр.
Помогай,
неуклюжий рыжий,
в небесах растянуть ковёр.

По ковру мотыльки,
и узор
их,
как легчайшая вата,
летуч.

Хорошо
в голубых озёрах
с островами
случайных туч.

Хорошо,
пролетая этак,
слышать
встречного ветра
хлёт
и наигрывать из опереток
на стаканчиках ясных звёзд.

Хорошо
на больших вершинах
с золотистой луной вдвоём.

Но внизу –
и друзья,
и машины,
и стихи
на столе моём.

Значит, нам с небесами спеться,
не расстаться с тобой, земля.
Хорошо

соскочить с трапеции
на манеж
и сказать: voila!

Здесь 52 строчки легко укладываются в 24, объединяясь в 8 классических катренов. При этом они своеобразно расположены относительно друг друга – одни выровнены по левому краю, другие сдвинуты вправо-внутри текста и выстраиваются в отдельный, как бы самостоятельный, столбик.

Зачинный фрагмент ещё одного стихотворения Николая Ушакова:

Может, Вычегда,
может, Онега,
но родная
моя сторона.

Из-под полога
белого снега
голубая
смеётся весна...

Каноническое четверостишие разбито на два, при этом каждая строчка тоже делится пополам.

Такие вещи проще всего отнести к формальным экспериментам или к некоей, не имеющей особого смысла, авторской игре. Но далеко не всегда этот вывод выглядит убедительно, его ещё надо доказать.

Большой писатель Василий Субботин, сказавший незаёмное слово и в поэзии, и в прозе, не одно десятилетие занимался издательской и редакторской работой. Василий Ефимович писал предисловие к моей первой московской книжке. Человек удивительно тщательный, он познакомился с рукописью и высказал одно замечание-пожелание, которое я выполнил, не сразу, может быть, посчитав его справедливым. Мастер порекомендовал убрать разбивку строк. Мне-то казалось, что разбивка позволяет акцентировать

поэтические образы, помогает донести до читателя не только общую интонацию стихотворения, но и нюансы авторской мысли, а Василий Ефимович видел другое. Разбивка, полагал он, скорее всего, появилась в газетах, где стихи тогда печатались массово. Поэтические строчки часто не умещались в газетную колонку, и их приходилось размещать ступеньками (теперь я могу прибавить к этому ещё одно соображение: гонорар за стихи платился построчно – чем больше строк, тем больше получал автор).

В Москве, в доме писателя на улице имени Крупской, когда зашёл об этом разговор, Василий Ефимович, что называется, в тему прочёл наизусть стихотворение Самуила Маршака, которое я попросил повторить и тут же записал под диктовку:

Бывало, полк стихов маршировал,
Шеренги шли размеренно и в ногу,
Рифмованные звонкие слова
Литаврами звенели всю дорогу.

Теперь слова подчас идут вразброд,
Не слышен чёткий шаг стихотворенья.
Так шествует – назад, а не вперёд –
Разбитое в бою подразделение.

Свободный строй стиха я признаю,
Но будьте и при нём предельно кратки
И двигайтесь в рассыпанном строю,
Но в самом строгом боевом порядке.

После той памятной, очень много значившей для меня, беседы с Василием Ефимовичем Субботиным прошло более четверти века. Стихотворение Маршака уже несколько раз переписано из старых записных в новые. И когда мне хочется разбить какую-то свою строку и записать её лесенкой «под Маяковского» или «под Вознесенского», я вспоминаю об уроке на улице Крупской и следую совету, который там получил.

Фото Ольги ПЕТРОВОЙ, п. Ольга (Приморский край)

НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ

ИЗ ЖИЗНИ ВАЛЕРИАНА ПЕЧЕНЮШКИНА

Райцентр Ша, первая половина 90-х годов XX века

Сергей КУЗИЧКИН

г. Красноярск

Сергей Кузичкин – главный редактор альманаха "Новый енисейский литератор". Член Союза писателей России.

Вообще-то его зовут Валера и фамилия у него Пичугин. Однако некоторые сотоварищи по бутылке за глаза называют его Бичугиным, а соседские старушки Пьянчугиным. Печенюшкиным прозвал его и из Валеры сделал Валерианом бывший его коллега, автор всех краевых газет и местный писатель Андрей Кузнецов. А еще один кореш Валериана по выпивке – Микола Макаревич, пытаясь назвать Валеру Печенюшкиным, постоянно называл его Печенькиным.

Валериан еще с детских лет лихо строчил в районную газету разного рода стишки и заметки и к семнадцати годам стал сотрудником местного партийного органа – газеты "Восход коммунизма". Потом увлекся фотографией, а после службы в армии устроился оператором на краевое ТВ.

Женился поздно. С этим делом он не торопился. Как говорит, созревал. Созревал долго и лишь к 35 годам созрел. Взял красавицу моложе себя на 13 лет, родились девочки. С телевидением пришлось расстаться – супруге захотелось иметь свой приусадебный участок, и Валериан переехал в село на должность заместителя редактора районной газеты. Шли годы: подрастали дети, жена из желторотой удивляющейся всему девчонки превратилась в уважаемую женщину, Валериан оставался в душе всем тем же 17-летним юношей, который, однажды набравшись смелости, перешагнул порог районной газеты, смятая в руках тетрадку, исписанную стихами.

Он подолгу мог говорить о фотографии, об охоте, о природе, в то время как необходимо было починить в огороде изгородь или сделать ящики для рассады. Не очень ловок был он и в супружеских делах, и нет ничего удивительного в том, что Валерина Люба со временем стала "задерживаться" по работе иногда даже до самого утра. Разрыв наступил после того, как первая дочь вышла замуж. Люба там же, на свадьбе, познакомилась с одним из новых русских и буквально на следующий день укатила с ним в краевой центр. Вскоре уехала на учебу и дочь вторая, и остался Валериан один-одинешенек в двухкомнатной квартире. С горя запил. И запил крепко. На работе его понизили в должности до рядового корреспондента. Допивался он до того, что дважды падал в обморок, вываливаясь из-за рабочего стола. А однажды у него, что называется, "поехала крыша", и он с месяц был пациентом краевого психоневрологического диспансера.

До всего, кажется, Валериану теперь не было никаких дел. Придя на работу к восьми часам утра, он вдруг вспомнил, что забыл дома очки, не успел покормить собачку или дать травки кроликам. Иногда случалось,

что ему надо было срочно сходить в библиотеку, и он уходил. И уходил, что называется, с концами – до следующего утра. На работе смотрели на него одни с сочувствием, другие с жалостью, третьи – с презрением. Все знали, что никаких кроликов Валериан уже давно не держит, что собака у него подохла на цепи с голодухи, а библиотека в райцентре открывается с двенадцати часов дня. Газетный план по написанию строк Валерьян хронически не выполнял, его долго терпели и, наконец, вышедшая из декретного отпуска редакторша "поперла".

И Валериан "сел" на пособие по безработице. Иногда ему удавалось где-нибудь подкалывать – помочь кому-нибудь на сенокосе или в посадке картофеля, иногда он предлагал редакторше фотоэтюды, и если какой из них проходил в газете, он получал гонорар. Так и жил.

КАК ВАЛЕРИАН ПИВО ПИЛ

В расположенный рядом с его домом коммерческий магазин привезли как-то бочковое чешское пиво.

– Пиво привезли, – сказал Валериану сосед-хохол, – во вкусное, што выно тебе.

Валера подсчитал свои денежные запасы и решил, что литров на пять ему хватит. Он взял было трехлитровую банку, поставил ее в сумку, но, подумав, что банок у него больше нет, а трех литров будет мало, бросил взгляд на ведро.

– Нет, с цинковым ведром в магазин не пойду, не совсем удобно, – подумал он – да и вредно пищевой продукт в цинке держать. Что же придумать?

Канистра, как назло, была занята три года назад еще залитым бензином, и, Валериан, выйдя на веранду, решил отыскать аккуратенькую пластмассовую восьмилитровую голубенькую лейку, которую в прошлом году привезла ему из города старшая дочь.

"Вот эта годится, – решил он. – Сюда шесть литров вполне войдет, и для пены место останется".

Взяв это поливочное орудие, он направился к торговой точке.

– Привет, девчонки! – бросил он с порога трем продавщицам разного возраста и поставил лейку на прилавок.

– Пивка плеснете?

– Что, прямо в лейку? – спросила одна из работниц прилавка.

– Ну а чё? Раз больше тары нету.

– Вы бы еще с кастрюлей пришли...

Дома Валериан достал из буфета завернутую в газетку и давно припрятанную для подходящего случая сушеную рыбку – не то скумбрию, не то спинку минтая. Культурно отдохнуть он решил во дворе. Разделся по

пояс, взял стакан, рыбину, лейку и поставил все это на большой пенек, расположенный возле сарая под сенью уже отцветшего ранета. О том, как будет наливать пиво в стакан из лейки, подумал, когда устроился около пня, попробовал было налить в стакан из разветвителя, налить-то налил, но больше пролил мимо. Попробовал пить сразу из лейки, через тот же разветвитель, но лишь умылся пивом. Сделал несколько попыток наполнить стакан через отверстие, в которое пиво наливалось, – снова больше пива пролилось на землю, чем попало в стакан.

“Вот задачка-то, – думал Валериан, вытирая полотенцем мокрое от пива лицо. – Что делать-то? Неужели правда в кастрюлю перелить, а потом оттуда черпать поварешкой, как компот? А что? Это мысль”.

Валериан вернулся в дом, вытащил из-под стола кастрюлю со вчерашним супом и стал разливать его по тарелкам, налил и в железную чашку. Железная чашка у него была одна, фарфоровых тарелки две, а супу – гораздо больше. Пришлось освободить чайник и остатки вчерашнего ужина и сегодняшней обед вылить в него.

“Жаль, горячей воды нет”, – с досадой отметил про себя Валериан и, наспех ополоснув кастрюльку холодной водой, поспешил наполнить ее пивом. Когда кастрюля была заполнена почти наполовину, разветвитель у лейки вдруг сорвался с носика и упал на дно кастрюли. И только тут-то Валериан понял, что разветвитель у лейки – съёмный.

“Ну что теперь-та”, – сказал сам себе Валера, цепляя за поварешку разветвитель и доливая остатки пива в кастрюлю.

Не беда, что на поверхности светлого чешского пива плавали большие и малые жирные пятна, Валериан был доволен, он черпал поварешкой пиво из кастрюли, хлебал, как окрошку, прямо из поварешки и закусывал рыбой и сорванным тут же, с грядки, луком-батунном.

Валериан культурно отдыхал.

ВАЛЕРИАН И ПРЫЩИКИ

Каждое утро, если не был с глубокого похмелья, Валериан брился механической бритвой у большого зеркала в прихожей.

Вот и в этот раз, стоя в одних трусах, он водил мехапаратом по щекам и подбородку и вдруг, повернувшись боком, заметил какие-то чернеющие пятнышки под правой лопаткой. Закончив бритье, Валера стал ощупывать заинтересовавшую его часть тела и обнаружил несколько темных бугорочков.

– Да у тебя на спине прыщи соскочили! – сказал ему сосед, когда Валера обратился к нему с просьбой проинспектировать тыла. – Дави их, хадов!

– Как давить? – не понял Валериан.

– Руками, а як же ешо? Выдавливай их пальцами, нохтями, йодом жи...

Давить пальцами-ногтями у Валериана не получилось, и он решил прижечь прыщи йодом. Для этого он взял в одну руку небольшое зеркальце, встал спиной к зеркалу-трюмо, намочил ватку йодом и, высматривая на спине черные точки, стал прикладывать к ним тампон. Это оказалось не таким уж и простым делом. Чтобы дотянуться до труднодоступного места, Валере приходилось и приседать, и пригибаться, и даже вставать на табурет. Покрывшись коричневыми пятнами, что

леопард, Валериан вышел во двор, где чуть было не до смерти напугал соседскую старушку бабу Симу, стоявшую по другую сторону небольшого заборчика.

Вторую половину дня он провел на свежем воздухе: прополот луковую грядку, продергал сорняки на небольшом картофельном участке (в мае он посадил в конце двора 27 картофелин). Страдания его начались ближе к ночи. Едва он прилег на кровать, как почувствовал жжение на спине. Вначале Валериан подумал, что перегрелся на солнце и спина его, мягко говоря, обгорела, но вскоре он почувствовал непривычный зуд в тех местах, где прикладывал ватку с йодом. В эту ночь он так и не сомкнул глаз. Волчком крутился на постели: с правого бока переворачивался на живот, затем – на левый бок. Едва стукнуло восемь, Валера, с трудом надев на себя рубашку, помчался в поликлинику. С регистратуры его направили к врачу по кожным заболеваниям, затем к хирургу и, в конце концов, в кабинет процедур, где молоденькая медицинская сестра по имени Оксана, покачав головкой и вздохнув: “Разве так можно?”, – аккуратно намазала Валериану спину какой-то прохладно-успокаивающей мазью. Причем сестричка мази не жалела и накладывала ее на Валерину спину обильно, в несколько слоев.

“Наверное, им мазь некуда девать”, – думал Валериан, млея от прикосновений молодухи и ощущая приятный холодок вдоль хребта.

– Теперь вам необходимо посидеть где-нибудь в теньке, в прохладном месте, подождать, пока мазь впитается, – сказала медсестричка, закончив процедуру. – Завтра в это же время придете опять.

– Ой, спасибо, спасибо, – поблагодарил ее Валериан и, пожелав ей никогда не болеть и хорошего мужа, кланяясь и пятясь задом до самой двери, покинул процедурный кабинет.

“Добеги быстренько до дому, не одеваясь, рядом ведь живу, – решил Валериан. – А там посижу во дворе, обсохну”. Он вышел в больничный коридор, держа рубашку в руке, и неожиданно увидел возле регистратуры редактору районной газеты и, застеснявшись, быстренько накинул на себя рубашку.

“Еще подумает, что Печенюшкин того... чокнулся, без рубашки по больничке шастает... – решил про бывшую начальницу Валериан. – Ничего, домой приду, сразу рубашку сниму, мазь не успеет в материю впитаться”.

Поздоровавшись с редакторшей, он вышел во двор поликлиники, где сразу же встретил слегка “поддатого” Миколу Макаревича с бутылкой портвейна. Сели тут же на больничную скамейку и без всякой закуски “приговорили” семьсот граммов вина. Потом они дошли до проезжей части улицы, где хотели было расстаться на перекрестке, но им попался местный писатель. Писатель возвращался из города, получил там гонорар и был с сумкой, груженной продуктами и, естественно, приэнной сумме денег. Без лишних предисловий Андрей взял в магазине две бутылки вина и пузырь водки. Вино выпили у Валериана на квартире, с водкой и закуской пошли к Кузнецову. Про прыщички и обильно смазанную мазью спину Валериан сразу же позабыл. Сколько они выпили в тот день, никто из них не помнил и истину восстановить впоследствии не пытался. Валера проснулся на летней кухне Андрея лежащим на кровати. В ногах его поперек постели, упершись головой в стенку

и опустив ступни на пол, отдышал и храпел, как трактор, Макаревич.

На дворе занимался рассвет, и Валера, поднимаясь по нетерпимой нужде, вдруг почувствовал, что рубашка его плотно облегает спину. Он попробовал было расслабиться, но материал словно врос в спину. Валериан с трудом присел на кровати и обнаружил на покрывале, поверх которого он творил сон, смачные жирные пятна.

“Значит, и рубашка пропиталась”, – сделал заключение Валериан. – Бежать надо, не то Андрюхина Вероника мене за это хара-хири сделает.”

Валериан перелез через Макаревича, с трудом отыскал дверь на выход и ломанул до дому огородами, по мокрой от росы картошке.

Сосед-хохол, несмотря на ранний час, уже копался возле летнего водопровода.

– Та у тебя рубаха к спине прыстыла, – сказал он Валериану, – и не отодрать. Отмакнуть надо. Наливай воды в ванну и лягай туда прямо в рубахе, отмокнет, – посоветовал он.

Валериан с помощью кипятильника нагрел два ведра воды. Залил их в цинковую ванну, разбавил водой холодной и, скинув брюки, в трусах и рубашке залез в ванну. Едва он прилег, как из-за заборчика выглянула соседка баба Сима.

– А ты что без вехотки и мыла моешься? – спросила она.

Валериан подскочил как ужаленный, едва не вывалившись из ванны.

“А мне и так хорошо!” – хотел сказать он, но не смог, ибо намокшие трусы под тяжестью воды стали сползать к коленкам. Валериан обхватил их руками и снова сел в ванну.

– Так сойдет! – бросил он соседке и неожиданно для самого себя вдруг стал улыбаться Серафиме и даже прихихикивать, по горло спрятав туловище в воду и подогнув колени.

– Ну, ну, – сказала баба Сима и поспешила за ограду, дабы поведать соседским старушкам о том, что Пьянчугин, совсем допившись до ручки, чуть свет, на заре залез в ванну с водой и полощется там прямо в одежде.

Валериан отмокал часа полтора, постепенно отклеивая рубашку от тела и отбиваясь от ранних и назойливых комаров и невесть откуда налетевших паутов. Зато после этой процедуры похмелья как не бывало.

Во второй половине дня, разглядывая свой тыл с помощью двух зеркал, он отметил, что спина его покраснела от загара и, хотя оставалась она покрыта бронзовыми пятнышками, следов от прыщей на ней не было видно.

В поликлинику Валера больше не пошел.

ВАЛЕРИАН И ГРАБЛИ

Конец мая – начало июня в Сибирском крае время работ в садах, на огородах, приусадебных участках. На своем небольшом участочке решил навести порядок и Валериан Печенюшкин. Решить-то решил, да вспомнил, что грабель у него нет, сломались они в прошлом году во время весенней уборки территории вокруг редакции районной газеты.

– Матвеевна, – обратился Валера через заборчик к соседке Серафиме, – не позаимствуешь грабель на часок другой?

– Возьми, – сказала в ответ добродушная соседка. – Только не сломай, гляди, они у меня одни.

– Да зачем я их ломать буду? – улыбнулся в ответ Валериан. – Я же прошлогодние листья сгребать буду, а не кирпичи какие...

– А вдруг какие кирпичи попадутся, – пошутила баба Сима.

Она как в воду глядела.

Едва Валериан начал сгребать мусор, как сразу же выкорчевал из земли обломок красного кирпича, затем второй, третий... А когда зацепил четвертый, средний деревянный палец грабель отделился от своих собратьев. Причем сломался он у самого основания.

“Вот язви его, – сказал сам себе Валера. – Наворожила Серафима, придется гвоздь искать, налаживать грабли...”

Он взял молоток и средней величины гвоздь, подогнал отставший палец к основанию грабель, стал прибивать. Однако гвоздь заходить в дерево не хотел и согнулся. Валериан с помощью плоскогубцев непослушный гвоздь удалил и на его место стал забивать новый, чуть больший диаметром... Но и этот гвоздь пошел по какому-то кривому пути и вышел наружу в стороне от прибываемого пальца, не прихватив его ни на миллиметр. С трудом Валера выколотил непослушный гвоздь обратно, выдернул его за шляпку и стал прибивать гвоздь третий, с еще большим, чем предыдущий, диаметром. Дело кончилось тем, что основание грабель вначале треснуло, а затем совсем раскололось на две части.

“Вот те раз. Теперь меня Серафима четвертует. Что же делать? Может, изолянтной грабли обмотать? Нет, так видно будет, что грабли после ремонта. А может, склеить их? Бээфом? Точно, склеить”, – морочивал Валера, решая неожиданно возникающую проблему.

Уборку пришлось завершить досрочно. Не доделав одно дело до конца, труженик приусадебной нивы срочно занялся делом более важным. Нанеся клей на обе половинки грабель и торец оторвавшегося пальца, Валера соединил разделившиеся части, затем аккуратно поставил орудие труда в угол комнаты и стал ждать, когда клей подсохнет и скрепит разъединенное.

Через час после удачно проведенного склеивания, выбрав момент, когда Серафима, устав копать в огороде, зашла в дом перекусить, Валериан перемахнул через заборчик. Он тихонько прокрался к дому соседки, приоткрыл дверь веранды и осторожно поставил грабли у входа. Потом он, не заходя в квартиру, громко сказал в открытую кухонную дверь:

– Матвеевна, спасибо за грабли, я их в уголочке поставил.

Распивавшая чай из блюдца, вприкуску с рафинадом, старушка закивала головой, и Валериан поспешил удалиться.

Вечером, перед заходом солнца, Печенюшкин наблюдал в окно, как Серафима вышла во двор с “отремонтированными” им граблями, как начала разгребать ими навоз на парнике и как деревянные грабли рассыпались на три части. Разгневанная пенсионерка отшвырнула оставшуюся часть грабель за туалет и, громко ругаясь, пошла обратно в дом. С ее уст срывались такие бранные слова, каковых Валера еще ни разу не слышал от пожилой соседки. Он поспешил отойти от окошка, задернул шторку, закрыл дверь на ключ и, включив свет в зале, усевшись на диван, стал почитать журнал “Приусадебное хозяйство”.

ЗАПИСКИ АРТИСТА

Евгений ВЕСНИК

Конец 19-го века. На одной из крупных провинциальных сцен ставится «Зимняя сказка» Шекспира.

В третьей картине третьего действия – «пустынный берег моря», – когда по ходу пьесы берег погружается в сумерки, по сцене должен пробегать медведь...

На спектакле «начальник эффектов» (антрепренёры посOLIDней могли позволить себе роскошь иметь такого специалиста; в других случаях эту функцию выполнял помощник режиссёра) устроил на сцене не какие-нибудь сумерки, а непроглядную тьму: декораций и тех не было видно.

После спектакля кто-то из записных театралов говорит «начальнику»:

– У вас пропал самый большой эффект. Вы сделали на сцене такую крошечную тьму, что медведя никто не заметил.

– Ох, и не говорите: беда да и только! – сокрушённо отвечает «начальник». – Ведь медведь у нас «с воли», по полтиннику за представление получает. Я сам его до начала осматривал – отличный медведь... Ему выходить, хватать-хватать – нет медведя, пропал... Вот и пришлось темноту сделать, чтобы публика подумала, что он пришёл... А его, подлеца, разыскали под лестницей: спит мертвецки пьяный... Разозлился я, да так в медвежьей шкуре в участок его и отправил. Наши сторожа объявляют: из театра пьяного медведя привезли. Там, конечно, переполох, принимать не желают – везите, дескать, в зоологический сад... Насилу втолковали дежурному. Теперь опять забота: шкуру надо вырывать...

В Тамбове, в местном театре по какой-то причине спектакль «Дон Кихот» был заменён «Ревизором». Об этом забыли предупредить юношу, роль которого в «Дон Кихоте» состояла из единственной фразы.

Каково же было изумление публики, когда в столовую Городничего вошёл человек в испанском костюме и, обращаясь к Хлестакову, произнёс: «Синьор, мой господин вызывает вас на дуэль!»

Из рецензий:

«Хлестаков принял позу наполовину открытого пещерного ножа».

«Битых пять актов глазела публика на сцену и такти ушла, не понявши, что там сеяли».

1898 год. Актриса Екатеринбургского театра, гораздо более знаменитая своей красотой, нежели талантом, написала знакомому банкиру письмо с просьбой о деньгах.

Банкир прислал деньги при письме, в котором было сказано: «При сем препровождаются 1000 рублей и 10000 комплиментов...»

«Эх, лучше бы наоборот!» – заметила актриса, прочитав письмо.

Все, конечно, помнят чеховский «Юбилей» и то его место, где директор банка Шипучин в приливе самодовольного упоения признаётся бухгалтеру Хирину в том, что адрес, который должны поднести ему члены банка, сочинил он сам, и на переплёт дал сорок пять рублей, и серебряный жбан купил тоже он сам...

Чехову не надо было напрягать воображение, чтобы сочинить такую «шутку», – всё происходящее в ней было в порядке вещей.

Шёл в этом смысле в ногу со временем и театр. Вот какую сценку написал с натуры А.А. Плещеев, сын известного поэта, театрал, балетоман, издатель газет «Театральный мирок» и «Петербургский дневник театралов»:

«В маленьком загородном театре местные актёры решили поднести директору в его бенефис две серебряные вазы... Подпиской заведовал актёр К.

– Ну что, голубчик, как у вас подписка-то? Ладится дело, сколько набрали? – спрашивает директор.

– Туго, стесняются...

– А вы объявите, чтобы не стеснялись, потом из жалованья я вычту, пускай подписываются! Ну а вазы-то выбрали?

– Тяжёлые, хорошие... только бы хватило!

– Старайтесь, а не хватит, так уж приходите ко мне – добавлю из своих!

– Я на вас и рассчитываю...

– Да я готов помочь вам, только бы вещи основательные были... И смотрите, чтобы мельхиор не подсунули... Подобный случай у меня был. Потом продать, так своих не досчитаешься...

– Будьте покойны, с пробой берём, в рынке.

– Счёт спросите: оно спокойней, а то ещё ворованные сбудут, хлопот не оберёшься... Вдруг вы поднесёте, а из публики кто-нибудь и признает за своё!»

Чем не юбилей?..

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

Руслана ЛЯШЕВА,
г. Москва

Прошедший 2010 год был ознаменован 65-летием великой Победы. Конечно, одновременно с различными праздничными мероприятиями выходили книги, посвященные этой дате. Однако надо сразу отметить, что на протяжении всех шести с половиной десятилетий тема Великой Отечественной войны не уходила из нашей литературы и, пожалуй, оставалась тем нравственным оселком, на котором оттачивался критерий оценки российского человека в мирное время. Такой своеобразный камертон! Но освещение войны в разные периоды послевоенной истории России происходило в нескольких ракурсах.

Сразу после Победы пафосом стал героизм советского солдата, надо было воодушевить народ на восстановление городов, сел и главных отраслей экономики. Эта задача оказалась нашему народу по плечу в короткий срок. К 50-м годам страна залечила раны военного лихолетья. И тогда в военной литературе – в прозе – обнаружилась другая проблема: окопная правда. Волна книг и дискуссий хлынула в 60-е, «оттепельные» годы. Героизм, кстати, оставался главным ракурсом художественного осмысления ВОВ. А после перестройки всплыла каверзная проблема заградительных отрядов (подробнее см.: статья Игоря Пыхалова, Владимира Боброва «Заградительные отряды: вымысел и реальность», – журнал «Российский колокол», № 2, 2005). Нынче в литературе наличествуют две тенденции: героико-лирическая и трагико-драматическая; первая ярче представлена в поэзии, вторая – в прозе, хотя в целом они часто переплетаются. Подтверждение концепции – в конкретных литературных произведениях.

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ...

Книга Светланы Нестеровой «Есть на земле память...» (Рассказы и стихи. Улан-Удэ, ГУП «Издательский дом «Буряад-Унэн», 2010) представляет читателям воевавших дедов и отцов, а также тех, кто хранит о них память, – вдов погибших солдат, их детей и внуков. Вот традиционное героико-лирическое стихотворение Нестеровой «Ветеранам ЛВРЗ».

Списки я в руках перебираю
Заводчан, ушедших на войну.
Многие фамилии не знаю,
Но не ставьте это мне в вину.
Не вернулись многие из боя,
Молоды остались навсегда.
А у тех, кто живы, раны ноют:
Каждого не обошла беда.
Я хочу их мысленно представить,
Поименно каждого назвать,
Чтобы в нашей памяти оставить,
Тех, кого нам вечно вспоминать.
Связь времен вовек не оборвется:
Ведь жива страна, шумят танки.
И за то, что дочь моя смеется,
Низкий вам поклон, фронтовики!
Вы вошли в историю, герои,
В нашу память, память всей страны,
Справились с огромною бедою,
Родины отважные сыны.
Дорого досталась нам свобода,
Поубавились ровесников ряды.
Я стою у проходной завода.
Низкий вам поклон мой и цветы.

ной и трогательной. Это стихи «Путь в бессмертье», «Долгие версты войны» (Вам поклон земной, седые старики...), «Отцу»:

Но вот нашли отца награды.
Его уж нет. Июньским днем
Горжусь и плачу, в сердце радость,
Что помнит Родина о нем.
Хотя войны я не видала,
Но пуль давнишних слышен свист.
И где-то там, за перевалом,
Тальянку тянет гармонист.

И самое выразительное из этой серии стихов Нестеровой «Говори своим громким шепотом», широко обобщающее образ Родины через природный пейзаж:

Закричи, овдовевшее поле,
Сиротинка-береза, рыдай.
Вечность, помни людские боли
И войне разгореться не дай.

Это же соединение души с родной природой характеризует отца-фронтовика Любавы в рассказе «Цветет белая гречиха», который умер от военных ран, прислонившись спиной к березе.

В стихотворении Николая Дехтеренко «Прорастают травой» из книги стихов «Высветилась радуга в метели» (Избранное. Кемерово, ООО ПК «Офсет», 2010) как раз тот случай, когда переплетаются обе стилевые тенденции – лирическая и драматическая. Приведу стихотворение полностью.

Солнца красного свет,
Кистью сжата лимонка.

В этом же ключе написаны ее другие стихи и рассказы в этой книжке – небольшой по объему, но душев-

Полусгнивший кисет,
Да большая воронка.

Штык торчит из земли,
Рядом каска с дыроу.
Здесь солдаты легли
Навсегда под гороу.

В каждом метре окоп,
В них белеют скелеты...
Лишь Всемирный потоп
Может смыть те сюжеты.

Прорастают травой
У погибших глазницы.
Генерал, рядовой...
А над ними пшеница.

Всех укрыла земля,
Для души нет спасенья.
Колосятся поля,
Там, где были сраженья.

Ждут мужей с тех полей
Постаревшие жены,
Шепчут губы:
«Налей, помяни по закону».

Помяни от души,
Кто погиб под гороу.
Рядом хлеб положи
И всплакни по героу.

Там, где капнет слеза,
Зацветут георгины.
С них святая роса
Окропит те могилы.

Николай Григорьевич Дехтеренко – почетный металлург России, 35 лет проработал в сортопрокатном цехе Запсиба, а стихи и живопись – творческое занятие для души. В творчестве, как видим, он тоже достиг профессионального уровня, не ниже, чем в металлургии.

Стихи такого рода можно встретить у многих поэтов, это хорошо.

ЗАЛ АПЛОДИРОВАЛ МАРШАЛУ И АКТЕРУ

Со школы хранятся в моей памяти несколько фактов о войне, и они не исчезнут из нее до конца жизни. Например, 28 панфиловцев стояли под Москвой насмерть. В Сталинградской битве 62-я армия Чуйкова не пропустила немцев к Волге. Битвой за взятие Берлина руководил Георгий Константинович Жуков, и т.д. и т.п.

Когда я увидела в ежемесячнике «Литературный меридиан» (г. Арсеньев Приморского края, № 13, 2010) «театральные были» Евгения Весника, первая из которых называлась «Я – «Чуйков», а вторая – «Война», то сразу же погрузилась в чтение: имя Чуйкова притяну-

ло, как магнит. Московский актер Весник, благодаря своему внешнему сходству с маршалом В.И. Чуйковым 1 февраля 1973 года срочно вылетел в Волгоград, чтобы на премьере спектакля «Сталинградцы» (пьеса Юлия Чепурина к 30-летию Сталинградской битвы) заменить актера, который не справился с главной ролью. На следующий день, точнее, ночью в 1 час 45 мин., Евгений Весник был уже в Волгограде, в номере гостиницы – главный режиссер театра В.В. Бортко (отец известного кинорежиссера), биографы командарма, суфлер, гример, костюмерша, портной. Ажиотаж обусловлен тем, что премьера спектакля должна транслироваться по телевидению на всю страну... В 19.30 в театре раздается третий звонок для зрителей и актеров. В 19.37 занавес открыт, выход актера вызвал аплодисменты. Весник понимает, что аплодисменты через него адресуются Чуйкову, потому что он в зале.

«Это посредничество придало уверенности, – вспоминает актер. – А когда перекрестился кулаком (эту привычку Чуйкова подсказали его биографы), раздались аплодисменты. Но теперь уже в мой адрес... Ну а когда после какой-то реплики беззвучно, только артикуляцией губ обозначил слегка, вполоборота к зрительному залу, как бы самому себе, нецензурные слова, но наши «родные» (так часто на войне звучавшие и из моих уст, и из уст солдат, сержантов, маршалов), – вот тут-то зал по-настоящему взорвался и от смеха, и от аплодисментов. А я совсем осмелел и повел себя так, будто играю роль в сотый раз!... 20.45. Антракт. Взмок насквозь. Костюмеры дали новую нижнюю рубашку, гладят китель. А в мою артурборную входит маршал Чуйков. Первые слова: «Чертяка! Ну тебя!» Вошел адъютант. На моем гримерном столике появилась бутылка коньяка, две рюмочки, две конфетки и нарезанное ломтиками яблоко... Ну и согрешил. 50 граммов похоронил в себе.

– Кто тебе сказал, что я с палкой воевал и что словечки разные нехорошие знаю, а? Кто?

– Ваши биографы. Те, кто о вас книгу пишут. – Маршал улыбнулся с хитринкой: «Чертяки. Болтуны!». Он обнял меня, попридержал в объятиях, похлопывая рукой по спине, и прошептал:

– Спасибо, чертяка! Я слезу даже пустил. Ну тебя... – И ушел, чтобы на людях не расплакаться.

21.00. Начался второй акт. Играл свободно, в охотку, чувствовал себя настоящим Чуйковым.

22.15. Финал спектакля. Поклоны артистов, режиссера Бортко и автора – Юлия Петровича Чепурина. Зал аплодировал стоя. Маршала нам было не видно. Но по тому, что большинство зрителей аплодировали стоя вполоборота, а иные и спиной к нам, догадались, что он в зале...

Когда маршал ушел из жизни, я переживал потерю по-настоящему родного человека. А общался-то с ним – всего две-три минуты».

Прекрасный документальный рассказ Евгения Весника. Портрет маршала Василия Ивановича Чуйкова показан лаконично, но выразительно в двух ракурсах: глазами актера (сильный, но добродушный человек)

и зрителями, т.е. народом (привычками и характером маршал плоть от плоти народа), а третий ракурс появляется после чтения другой «театральной были» – «Война», это тоже своего рода примечательный текст, потому что он посвящен «гению зла» – Шикльгруберу (Гитлеру), ораторские, актерские и режиссерские способности которого «загипнотизировали целую нацию и направили на дьявольский путь преступлений против всего человечества». Так думает солдат Весник, сидя в окопах под немецким городом Гольдал в Восточной Пруссии в феврале 1945 года, когда наши радисты напали в эфире на речь Гитлера в Берлине. Выступление было построено по музыкальным законам крещендо, хроматической гаммы, смены ритмов и силы звука. «М-да-а, – подумал я еще тогда, – такая звуковая атака на солдат может поднять любого труса и бросить его на амбразуры противника! Дьявол, черт его подери!»

Два антипода: настоящий человек – и дьявол. Такие качества война обнажила в людях. На эту мысль наводит читателей Евгений Весник без философской риторики с помощью художественного приема контраста характеров – русского маршала и фашистского фюрера.

Этот же стилистический прием противопоставления и контраста характеров прозаик Андрей Канавщиков в книге «Егорыч» (Великие Луки, «Рубеж», 2010) применил к описанию двух «полицаев» на Псковщине – Ивана Егоровича Ефимова (партизанского разведчика в роли полица) и «питекантропа» Зюхина, «пуще всех других жизненных удовольствий любившего кровь». Повесть не документальная, поскольку документы о партизанском разведчике все еще не рассекречены; автор прибег к модному нынче жанру нон-фикшн, то есть не вымышленный сюжет (так сказать, под документализм), чем и объясняется вымышленная фамилия главного героя – Егорыча – Черепанов (настоящая фамилия у Ивана Егоровича – Сковорода). Параллельно тянется двойное повествование – современная жизнь Егорыча, работа на заводе, семья, друзья, рыбалка (умер в 1992 году) и его воспоминания о войне, о партизанах, о немцах и т.п.

Если в «былях» Евгения Весника противопоставлялись силы добра и зла в образах идеологов – маршала Чуйкова и фюрера Гитлера, то в повести Андрея Канавщикова противостояние добра и зла представлено как столкновение бесовщины (или темной, животной, стихийной силы) и народной солидарной жизнестойкости. Так, немцы, устроившие облаву на жителей хуторов из-за их помощи партизанам убивают людей, насилуют девушек и девочек перед убийством со смехом, весело... А что партизаны? Образ командира Мирона в восприятии 18-летнего Егорыча дает объемную характеристику партизанскому движению. Мирон, с которым разведчик мерился силой руками, был как стена! Да, таким, как показывает писатель, был наш народ на Псковщине в годы немецко-фашистской оккупации.

Кто же тогда полицаи? Фельдфебель Скальченко,

под командование которого поступили под видом полицейских разведчики Черепанов и Ковалев, – бывший главный инженер завода, обиженный на Советскую власть за то, что его не сделали директором этого завода, как мечталось тщеславному инженеру. После операции против партизан или местных жителей Скальченко любит отвести душу в разговорах с немецким офицером о стихах Гете и музыке Вагнера, то есть приобщиться к вечным образам искусства. Его подчиненный «громила» Зюхин в эти минуты «отрывается» по-своему...

В студенческие годы я читала в университетской библиотеке сборник древнеегипетских гимнов, созданных тысяч 7 лет тому назад. У гимнов была прекрасная художественная форма, а вот содержание меня несколько озадачило; я даже поначалу не поняла, о чем толкует «поэт». Дошло! Это же воспевание каннибализма! Что лучше съесть – размышляет древний египтянин – сердце врага или его печень? Вот и Зюхин, под стать древнему автору, предпочел печень. Пока фельдфебель разливался соловьем о стихах Гете, Зюхин в амбаре, положив на костерок простой лист железа, жарил печень убитого днем дезертира. Запах жареного мяса и привлек Егорыча, он заглянул в амбар, увидел раскромсанный труп дезертира и повара-гурмана, любителя человечины. Егорыча чуть не вырвало.

Прочитав о людоедских привычках Зюхина, я вспомнила еще один факт из университетской жизни. В 60-е годы ректором МГУ был Петровский. Однажды ректор, узнав о драке студентов, вызвал зачинщика; студент, дрожа от страха, что его теперь отчислят из Московского университета, явился пред очи Петровского, но услышал одну только фразу: «Мы знания по капле вкладываем в ваши головы, а вы их одним ударом вышибаете», – и был отпущен.

Прекрасная мысль Петровского. История цивилизаций по «капле» наращивает духовность человека, а он одним ударом (как Зюхин убийством дезертира) эту духовность из себя вышибает и как бы вновь опускается на четвереньки. Так тонка пленка духовности на грубой – материальной и животной – основе природы; война на одних людях эту духовность обрывает и уничтожает, а на других – Мирон, Егорыч – наоборот, укрепляет.

А ведь повесть очень актуальна сейчас. Такую силу характера, такую укорененность в духовности, такую самостоятельность в понимании событий, какую имел 18-летний разведчик Егорыч (под прозвищем Павла), дай Бог всем и каждому из нас. Жизнь нынче очень сложна и запутана, и все радиостанции тянут «одеяло» на свою сторону: либеральную «Эхо Москвы» в программе «Полный Альбац», патриотическую «РСН» в программе «Своя правда» или «Радио России» и т.д. Душу радиослушателя просто рвут на части. Единственное спасение для него – научиться самостоятельно мыслить. Это хорошо получалось у партизанского разведчика Егорыча. Не грех и нам у него поучиться.

ВОСПОМИНАНИЕ

Игорь ХОХЛОВ,
г. Омск

Игорь Хохлов родился в Омске 4 января 1990 года. Окончил Омский авиационный колледж в 2010 году, по специальности – программист. В настоящее время – студент заочного отделения исторического факультета ОмГУ. Член редакционной коллегии альманаха «Вольный лист».

Автор сборников стихотворений «Трепетный родник» (2009 г.), «Единение» (2010 г.), участник молодежного семинара «Я вижу мир через себя» (Омск, 2009 г.). Стихотворения печатались в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Виктория» (Омск), омских коллективных сборниках и альманахах: «Складчина», «Вольный лист», «Точка зрения», «Откровение», «Серебряный город-2», воронежском коллективном сборнике студенческих работ «Поэзия – душа святая», а также в Интернет-источниках.

ОСТРОВК БЕРЕЗ

Зной полудня.

Березовый остров –
Как оазис за полем возник!
Заходи же скорее – как просто
Оказаться в тиши и в тени...

Наклоняясь пониже, взгляни-ка,
Как, налившись в июльском
тепле,
Созревающая костяника,
Набухая, приникла к земле.

И сливается все воедино:
Тайны леса с твоею душой,
Костяники кусты, паутина
И берез островок небольшой...

* * *

Сердце, помни милые места!
В них
Детство навсегда живет мое.
И избы покрашенные ставни,
И над огородом самолет,

И трава, как выйдешь за ворота –
В памяти моей, в моих стихах,
Солнца затаившегося кротость
И узоры счастья в облаках.

Аромат календулы, мяты
В бане старой и такой родной!..
И пейзаж безмолвный,
тайный, чистый –
Как воспоминаний полотно!

Сердце, помни милые места!
В них
Ярких звезд полночная игра...
Как в старинных, вековых
сказаньях
Дремлет лес –
живой зеленый храм.

Непередаваем запах сосен,
Мне вернуться б поскорей сюда!
Лодка лета приплывает в осень,
Чтоб потом застынуть
в зимних льдах...

Но душа моя застыть не сможет,
Никогда не разлюблю места
Те, которые всего дороже,
Я хочу единым с ними стать...

ВОСПОМИНАНИЕ

Вспоминаю: я стоял ребенком
У реки – казалась мне она
Океаном, и о берег звонко
Ударялась легкая волна.

Я бродил по тропкам и полянам,
Помнит ли земля теперь
мой след?

Детский взгляд!
Ты в облаке тумана
Растворился? Как узнать ответ?..

Лес открыл старинные секреты,
Тайное постиг я с ранних пор...
Оставляю в строках
свежесть лета,
Лиственниц и елей разговор.

И стрекочет в такт словам
кузнечик
В море необъятном полевом.
В памяти пройду –
и сердцу легче –
по дорогам
детства
своего...

* * *

А вокруг – стога, стога,
Золотые берега!
Эх, простор,
Родной простор!
Сколько лет прошло с тех пор,
Как в том крае не бывал,
Где ковром растет трава,
Где безмолвно смотрят сосны,
Охраняя синь небес,
Серебрятся точки-звезды,
Излучая мягкий блеск...

Лес под вечер уж остыл,
Сумрак...
Тишь...
Слова просты.
Дом остался – я чужой.
Этой ночью так свежо...
И ворота эти будут
Открывать не для меня.
И в избе другие люди
Все по-своему менять
Станут...
Я спускаюсь к речке,
Не забыт мной старый путь.
Словно кто-то мне на плечи
Вдруг взвалил тоску и грусть...

Огоньки,
Из печки – дым,
Помню, был совсем другим –
Маленьким – любил я бор,
Не по весу брал топор,
И березовые пни
Не по силам были мне.
Но придет в прозрачном сне
Этих лет тугая нить.
И кусты черники спелой,
Крепкий гриб на ножке белой,
Муравейники метровые
Так хочу увидеть снова я...

...И смотреть на облака,
В желтых утонув стогах...
Дома нет – но есть природа,
Синий купол небосвода,
Поле,
Жесткость желтых злаков –
Цвет волшебный, золотой.
И сейчас бы не заплакать
Мне от нежности простой...
Но я не стыжусь за слезы
И вдыхаю свежесть трав.
И прошу: светите, звезды,
Мне до самого утра...

ПОСМОТРИ!

Галина АХМЕТГАЛЕЕВА,
г. Иркутск

ДЕТСКИЕ СТИХИ

ЗА ОКНОМ

Вода из чудной лейки совсем
не знает правил –
То хрусталами каплет,
то льется по косой...
А после лейку кто-то совсем
другим заправил –
То мотыльками сеет, то пухом,
то мошкой.

Вчера мы из окошка глядели
и глядели,
Как из нее снежинки летели
и летели...
Загадочной, бездонной
казалась вечерком.
А утром посмотрели —
как палка с козырьком!

НЕВИДИМКА

Дождинки шлёпали ладошками
И, может быть, босыми ножками,
Катились с крыши – было весело,
И прыгали – в сплошное месиво!

ПРОСЬБА

Не уходите, мужики,
в изнеженность, женоподобье.
Чтоб иждивенчества подонков
Средь вас не видеть, мужики!

Не уходите, мужики,
В дурман любой, в вино и карты,
В непризнанные Бонапарты
Не торопитесь, мужики!

Не уходите, мужики,
В раздоры, в ад кровавых
стычек
И успокойте истеричек!
На вас надежда, мужики!

А ночью кто-то неторопливый
С деревьев капли отряжал,
Ходил у домика по тропке,
Стоял подолгу и вздыхал...

А утром лужи он рябил
И трогал веточки рябин.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

За учительницей следом
Мы весенним зябким днём,
В несусветные одеты,
Ёжась, по лесу бредём.

Оторвавшись от нужды,
От войны, от мам усталых,
Поглядеть, как влагой талой
Наполняются следы.

Возле снега – посмотри! –
В обесцвеченной осоке
Уж подснежник синим оком
Влажно светит изнутри...

Скрипы, хлюпы, спин мельканье,
И, как омут – тишина.
Переливчато, хрустально
Кто-то пел... А вдруг – Весна?..

Ни манны с неба, ни муки!
Труд был и будет вашей мерой,
В себя, в добро побольше веры,
Терпенья больше, мужики.

Осмыслить надо до конца:
Отцовство стоит дорогого.
Жена найдет себе другого,
Да дети не найдут отца!

Так буднично, так современно
Оставить дочку или сына...
Но как, скажите, вам на смену
Без вас! — поднимут Мужика?

Кричат, как чайки, стонут вести.
Земля тревогою гудит.
Знаток ремесел, рыцарь чести,
Защитник слабых — подожди!

И шумел за километры
Льды ломающий поток.
И сверчком звенел под ветром
На березе завиток...

В тишину ушла душою.
Что мне голод и война! –
Удивительной Землёю
Навсегда удивлена.

ЩЕНОК

Я иду. Уж дело к ночи.
Травы от росы мокры.
Тёмный маленький комочек
Выпрыгнул из конуры.

Был щенок беспечно-весел,
Как пропеллер, хвост мелькал;
Лёг на лапы, ухо свесил,
А другое – приподнял.

И, смешно виляя задом,
Впереди меня бежал...
Грозно крикнули из сада –
Как заплакал – завизжал.

Нет, дружок, беги домой,
Ты, видать, сторожевой!

Бежит, визжит порода крысья—
Но мужиком я назову
Того, кто мужеством и мыслью
Корабль удержит на плаву.

ПАМЯТИ ОТЦА

Бравый мой командир –
кудри скобкою.
Вся в медалях твоя грудь широкая!
И улыбка твоя – белозубая,
И глаза молодые, задорные!
Нынче – праздник,
тобой завоёванный...
Как гремит оркестр

и сверкает весь.
Как медали в строю вызванивают!
На своих боевых товарищей
Посмотри, посмотри...
С фотокарточки.

ТОЛЬКО ОДНАЖДЫ...

Вячеслав ПРОТАСОВ,
г. Владивосток

поющие рыдающие гласные...

поющие
рыдающие гласные
шипящие
рычащие согласные
знак твёрдости
знак нежности...

и это всё –
язык или судьба?

июль

мимолётны летние ливни
а как всё сразу переменялось! –

сверкающие лопухи
смеющиеся глаза
и твои волосы в каплях дождя

совсем близко

обычная драма

жизнь –
словно репетиция
перед спектаклем
а когда наполняется зал
и звенит последний звонок
и открывается великолепный
занавес –
на сцене
в светящейся пыли прожектора
вместо тебя
только старое-старое зеркало
наспех завешенное
случайным куском холста

какие тайны...

какие тайны!

я знаю как гаснет свет
в твоём окне
и как зажигается вновь

какие тайны
можно сохранить
между двумя вспышками огня

что-то классическое

я не знаю
красиво или нет
быть знаменитым –
я никогда им не был

не помню
желал ли когда-нибудь славы
громокипящей –

может быть только однажды
когда смотрел
как ты перелистывала
томик стихов

очень знаменитого
прославленного
поэта

с завистью смотрел
как блаженная улыбка
без страха заблудилась
в твоих губах

о красоте

давай-ка спросим пса
о красоте ошейника –
кто ответит нам искренней?

впрочем
он кажется чем-то расстроен
так что руку
лучше держать подальше

да и несомненно
намного удобнее
беседовать из-за калитки

ты и все остальные

тем кто не видит
как прекрасна ты
при луне
или в полдень
в полдень в поле
в лесу
в суматохе
в сумерках
в тишине

я говорю:
ничего удивительного
просто
в это самое время
всех вас
не существует
на свете

время неумолимо...

время неумолимо

если в досаде ли
в ярости ли
сломать и отбросить часы
время продолжает идти
и идти

свидетельствую:

всегда в одном направлении
непроходимыми тропами
за глухими стенами
за ржавыми засовами

наше время

от истока – к устью

река Печаль
впадает в море Скорби

подумать только
что всему начало –
едва заметный ручеек Разлуки!

гиподинамия

для здоровья
очень опасно
очень долго стоять на месте

лучше – идти

даже неверной дорогой
даже к краю пропасти
даже бездонной

НА ЧЁМ СТОИТ ЗЕМЛЯ?

Павел ВЛАСОВ,
г. Санкт-Петербург

* * *

Мы едем в метро бесполезном,
Мы трогаем поручней хлад,
И взглядом, отчасти болезным,
Находим в стекле тот же взгляд.

Мы голые данники жизни,
Покрытые смерти платком,
Нажми – и сегодня же брызнет
Из нас молоко с кипятком.

Мы книги везём на Голгофу,
На плечи вставая к тому,
Кто каждую зыбку строфу
Ровнял по себе и уму,

Кто мереным сказочным сроком
Гордился и хвастался ... что ж,
Бывает всевидящим оком
Ни буквы в письме не прочтёшь.

Мы, яркие бабочки счастья,
Уныло проводим свой день:
Всё ниже чугуна на запястьях,
Всё жалобно прячемся в тень.

Мы, гордые дети земные,
На что променяли ножи?
На страх и свои проездные
Латунные камешки лжи.

* * *

До чужого горя:
Две горы,
Три моря,
Пять кустов,
Четыре пса
И – роса, роса, роса.

* * *

Котик ходит и мяучит,
Котик, видно, ноты учит.

Как разучит целиком,
Всё исполнит вечерком.

Мы поймём его едва ли:
Нам не то преподавали.

* * *

Как рождение младенца:
Яркий свет, ладони, шум,
Акушерки, полотенца,
Больно, врач, его костюм,
Страшно, запах, няньки, метки,
Все довольны и ... глухи, –
Так и встать на табуретку
И читать гостям стихи.

* * *

Я действую тупо,
Я выгляжу глупо,
Как будто я майку
надел сверх тулупа.

Но кто в объективной
реальности сведущ
Изрядно, насквозь,
абсолютно, сполна?..

И что значит «тупо»?
И что значит «глупо»? –
Ведь майка, надетая
сверху тулупа
Уместна: иначе
она не видна.

* * *

На чём стоит земля?
На спинах черепах.
На совести древлян,
Давно ушедших в прах,

На рыбах на немых,
На том, что нас умней.
А кто такие мы,
Чтобы стоять на ней?

ПО СЛЕДАМ БАХРАХА

До свиданья, до свиданья!
Я меняю кров и стол –
На несвычное питанье,
На шенелевый подол,
На чужие утром звуки,
На прононс и аромат...
Я ретируюсь от скуки.
Помидор... шарман... томат...

Буду шляться там, где Бунин
Жил когда-то, а теперь
Длинноногой Карле Бруни
Дёгтем мажут люди дверь.
Буду рожей азиатской,
Нарушать баланс, как слон,
Бельмондо хватать за лацкан,
С пьяных глаз идти в салон.

С белой гвардией встречаться
И подсвистывать в дуду –
Мол, и я со домохозяды
Красных бить опять пойду,
Мол, и мне дороже воля,
Мол, готов пропасть за грош!..
Прикажете ужин, что ли...
И вина подай, гаврош...

До свиданья, други, братья!
Не хлебать мне больше щей,
Не носить с «Удельной» платья,
То есть траченных вещей,
Не есть теперь ватрушки,
Не прожечь с лихвой рубля!..
«Монпарнасские кафушки»,
Елисейские поля...

* * *

Что возвышает нас?
Падение в себя.
Падение до самой низкой сути,
И чайянье при бледной той
минуте,
Под спудом зол надежду
погребя,
Вдруг обрести протянутую руку,
Забывать умы, сомнения, науку,
И страшно обнажённым
встать на свет,
И тотчас с миром получить
разлуку,
И возыметь на всё один ответ.
Что возвышает нас?
Олимп? Эльбрус? Парнас?
О нет! Они приносят
только муку.

БЕЗЖИЗНЕННОЕ УТРО

Иван ТАРАН,
г. Омск

Родился в Омске 1 мая 1985 г. Живёт в Омске. Поэт, литературный критик, главный редактор неконсервативного литературного журнала «Вольный лист». Автор ряда научных статей о теории и истории литературы, опубликованных в Челябинске, Москве и Омске.

СТЕКЛЯННЫЙ ГОРОД

Устав от наступлений,
отступлений,
От всех своих побед,
Создай стеклянный град:
пусть будут стены
Прозрачны, словно лёд.

И если этот град тебе наскучит,
Так стань смелей,
не будь мудрей.
Разрушь его – никто ведь
не осудит.
Разбей его, разбей.

И посмотри, как семь цветов
негромких
В пустых сияют небесах,
Как солнце, отразясь
от каждого обломка,
Тебя приветствует,
спокойного творца.

* * *

Я хочу испытаний
И прошу у судьбы новых бед.
Я иду и не знаю,
Будет полночь?
А может, рассвет?

Может, я возвращаюсь?
Или видят меня со спины?
Я иду и не знаю,
Потому что минуты темны.

* * *

Ограбленные длились дни.
Их звуки не были красивыми.
Я шёл по улице старинной
И верил в собственную силу.

И вечер,
Словно утешение,
Входил в мещанские дома.
Что ночью ждёт самосожженца:
Преображеньё
Или тьма?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Покинув дом Состраданья,
Разбей в нём оконные стёкла.
Продлился фэйд-аут,
А лучше бы сразу смолкло

Над западной промзоной
Дрожанье (не ощущаешь?)
Текучих узоров
Вокруг восходящего шара.

Сентябрь. Утро. Узнаёшь
Скрипеньё калитки садовой,
Когда туманный луг похож
На озеро с белой водой?

Мечта о Вчера
Дороже того, что сегодня.
Покинув дом Состраданья,
Разбей в нём оконные стёкла.

Ни веры, ни славы, ни семьи,
ни любви,
Ни мать не нужна, ни отец.
Ради забавы лови
Пёструю бабочку бедствий.

НОЧЬ

Кончался лепестковый
листопад.
Болело и скрипело что-то
в сердце.
Казалось, больше нет пути назад:
Я во дворе оставленного
детства.

Давно не освещали это место
Слепые узкие глаза домов.
Лишь карусель вращалась
бесполезно.
На ней я не увидел никого.

Стояли деревянные скульптуры:
Смиренномудрый темнолицый
дед,
Вот баба, синеглазая, как смерть,
Вот краснощёкая
девчонка-дура.

Виднелись яблонь чёрные
цветы.
В песочнице уже росла трава.
За домом были ржавые пути,
И где-то словно дребезжал
трамвай.

Горели звёзды в тёмных небесах.
Как безотчётное воспоминанье,
Горели звёзды надо мной...
над нами.
И деревянные таращились глаза.

За маленьким болотом
был костёр.
Горели мёртвых трав
хитросплетенья.
Кругом ростки неведомых
растений.
О, что здесь будет,
если рассветёт?

Найду ли я от праздника
спасенье,
Смогу ль уехать
в загородный сад,
Когда опять посмотрит мне
в глаза
Безжизненное утро
воскресенья?

* * *

Поэзия – это комната.
В ней усталый ребёнок спит.
За окном прозрачно и холодно.
У спящего царственный вид.

Пока слова не созрели,
Не показывай глубину,
Скрой под маской свои
прозрения,
Не нужные никому.

Стань, поэт,
Жестоким и женственным.
Ты – переменчивый свет
Без намёка на задушевность,
На немецкую, сладкую смерть.

ПОДВИГ ЭКИПАЖА «ЛАПОТНИКА»

Георгий ЛАПОДУШ,
г. Хабаровск,
член совета ветеранов

НА КОНКУРС «РЕБЯТА НАШЕГО ДВОРА»

1

Они жили в одном доме. Дружили. Часто вспоминали Великую Отечественную войну, в которой принимали непосредственное участие, – воевали с японскими милитаристами. Их хорошо знали и уважали во дворе...

...Прошли годы мирного времени. Пароход «Сормово», названный впоследствии именем Мао Цзэдуна, был уже давно списан на металлолом. Ушедший на пенсию в почтенном возрасте капитан Шинкарёв после полученного инсульта, парализованный, лежал одиноко в своей тягостно скучной квартире, постоянно ожидая прихода хоть кого-нибудь, чтобы услышать живой голос.

Капитан Караваев, живший по соседству, часто навещал его – своего бывшего капитана – и проявлял о нём посильную заботу. Будучи уже на пенсии, он сам перенёс инсульт, но был на ногах.

После прошедшего дождя, изрядно промочившего через прохудившуюся крышу квартиру Шинкарёва, Караваев вновь отправился в районную администрацию к весьма молоджавому для участника войны, но с орденом «Отечественной войны» на груди чиновнику.

– Вы же обещали принять меры, чтобы устранили течь в квартире участника войны Шинкарёва, – настойчиво напомнил чиновнику Караваев.

– Да. Обещал, – не возразил тот, но мы проверили, и оказалось, что Шинкарёв не участник войны, а участник спецформирований...

– Так это одно и то же! – попытался доказать Караваев.

– Это для вас – одно и то же, а для нас – всего лишь...

2

По окончании Речного училища курсант Караваев, как и его сокурсники, кроме диплома судоводителя, получил воинское звание младшего лейтенанта Военно-морских сил СССР и был направлен в Амурскую Краснознамённую флотилию для прохождения шестимесячной стажировки. По прибытии на базу он получил назначение на корабль дивизиона канонерских лодок. Как ему сказали, дивизион командует самый боевой командир, Герой Советского Союза капитан-лейтенант Сорлин, отличившийся в боях с японцами, что он очень требовательный, но справедливый, поэтому нужно быть требовательным к себе.

– Товарищ старший лейтенант, курсант Караваев прибыл для прохождения стажировки! – доложил Караваев командиру корабля, сидевшему за столом в своей каюте.

– Вольно! Проходите, курсант Караваев, садитесь на банкетку, – совсем не командирским тоном проговорил командир корабля, указав на табуретку.

Прочитав направление, он с удивлением сказал:

– Выпускников этого училища я ещё не встречал.

– Вы не могли их встретить, потому что наш выпуск первый, – пояснил Караваев.

– Выходит, училище новое?

– Оно образовано в военное время, три года назад, на базе Водного техникума, с задачей подготовки не только

специалистов речного флота, но и офицеров запаса с четырёхлетним обучением.

– Какие военные дисциплины изучали в училище?

Караваев перечислил все дисциплины военно-морской подготовки.

– Флотская практика на кораблях была?

– На военных – не было. После каждого курса я прошёл три навигационных практики на гражданских судах.

– Практики – судоводительские?

– Работал на штатных должностях: после первого курса – матросом, а после второго и третьего – вторым помощником капитана.

В дверях появился капитан-лейтенант. Командир корабля встал. Поднялся и Караваев.

– Сидите, сидите! – проговорил, входя, капитан-лейтенант и внимательно посмотрел на Караваева.

– К нам, Борис Михайлович, направлен стажёр по бэчэ один. Вот, бесеую.

Караваев взглянул на капитан-лейтенанта и от удивления на миг стушевался, но быстро овладел собой. Поняв, что перед ним командир дивизиона, он не подал вида, что знает его.

– Какого училища? – спросил капитан-лейтенант.

Караваев ответил и пояснил полувоенный характер учебного заведения.

– Начальник училища военный?

– Нет.

– А кто был из военного командования?

Караваев перечислил основных военачальников училища.

– Заместителем начальника училища по военно-морской подготовке, говорите, был старший лейтенант? Как его?.. Колыбин, говорите?

– Так точно!

– Почему-то низкое звание для такой должности, – как бы про себя произнёс капитан-лейтенант и, что-то вспоминая, повторил: – Колыбин... Колыбин... Суровый командир? – спросил он Караваева.

– Да, очень суровый! Его боялись не только курсанты, но и гражданский преподавательский состав побаивался, и за глаза все называли: страшный лейтенант.

– Да! Конечно, конечно, это он... Боевой командир! – проговорил с восхищением капитан-лейтенант и обратился к командиру корабля: – Может быть, помнишь: в войну на Северном флоте была подводная лодка – гроза фашистов? Ею командовал капитан второго ранга Колыбин, разжалованный впоследствии за самовольную и неудачную операцию.

– Возможно, и слышал, но не помню, – признался командир.

– Да, конечно... В войну было много героических кораблей... Но это, безусловно, он! – произнёс капитан-лейтенант и вновь начал задавать вопросы Караваеву.

Караваев старался по-военному, коротко и чётко, отвечать на вопросы.

– Уровень военной подготовки, конечно, низкий, – сделал вывод комдив, – придётся навёрстывать!

– Вместе с тем он имеет уже некоторый судоводительский опыт: две навигации работал на гражданских судах в командной должности, – заметил старший лейтенант.

– На каких судах и в какой должности? – спросил комдив Караваева.

– На буксирных судах, в должности второго помощника капитана, – ответил Караваев и вдруг, неожиданно для себя, добавил: – Мы два года назад, в сорок пятом, на Сунгари буксировали ваш повреждённый бронекатер.

– Вот как?! Оказывается, мы встречались в боевых условиях? – выразил удивление капитан-лейтенант. – Тогда я помню вашего лихого капитана: Шкарёв, по-моему.

– Шинкарёв, – поправил Караваев.

– Отважный капитан! – ещё раз подчеркнул комдив и, обращаясь к командиру корабля, пояснил: – Понимаешь, из-под носа японцев вытащил меня!..

– Как это? – поинтересовался старший лейтенант. Комдив помолчал, как бы вспоминая события, о которых напомнил стажёр, и начал рассказывать:

– Знаешь, что сухопутные и военно-морские силы всегда и во всём стараются превзойти друг друга. Так вот, как только начались военные действия против Японии, нам удавалось продвигаться по реке Сунгари со значительным опережением сухопутных частей. Но вдруг где-то в районе города Сансин мы застряли. Японцы, расположив батарею на горе, господствующей над всей акваторией, открывали прицельный огонь по кораблям при первом же появлении их из-за мыса. Все наши попытки закончились неудачей с потерями. Ночью, из-за отсутствия навигационного ограждения извилистого судового хода, прорваться было невозможно; авиация в основном взаимодействовала с сухопутными частями. Изучив обстановку, мы поняли, что зона обстрела японской батареи имеет ограничение, то есть мёртвую зону. Находясь на горе, она не может вести обстрел акватории, примыкающей к этой горе. Было единственно возможным: проникнуть ночью в мёртвую зону и на рассвете внезапно расстрелять батарею прямой наводкой. Ночью мы в тени гористого берега, ориентируясь на хорошо видимую на фоне неба злополучную гору, тремя бронекатерами подошли к горе на расстояние около полукилометра, укрылись между двумя островками за высоким тальником и стали ждать рассвета.

– А гул моторов не выдал вас? – спросил старший лейтенант.

– Мы это предусмотрели и соорудили на выхлопные трубы оригинальные асбестовые глушители и на малых оборотах прошли тихо. Так вот... Как только забрезжил рассвет, когда внизу было ещё темно, а верхушка горы уже достаточно освещалась, мы определили все точки, распределили их между собой и враз ударили по ним из наших орудий. За несколько минут всё было кончено. Задерживаться дальше, обнаружив себя, и в непосредственной близости от противника стало опасно. Мы начали уходить. Я замыкал караван. Вдруг под самой кормой моего бронекатера взрывается снаряд – откуда он взялся, я до сих пор понять не могу. Рулевое устройство вышло из строя, катер стал неуправляемым. Течение навалило его на отмель. И в это время японцы с берега открыли шквальный огонь из крупнокалиберных пулемётов. Я получил ранение в руку, но продолжал маневрировать ходами. Мне удалось продвинуться по грунту вперёд и скрыться за береговыми кустами. Первые два катера, уже вышедшие из зоны обстрела, попытались прийти мне на помощь, но были остановлены пулемётным огнём. Когда я скрылся за тальником, огонь прекратился, но катер поставило взамёт, и как бы я ни пытался маневрировать ходами, катер не двигался. Японцы поняли, что я потерял способность управляться и оказался в западне. Я не сомневался,

что они предпримут попытку захватить корабль. Поэтому мы спешили, хоть частично, установить управляемость. Но, определив повреждения, поняли, что это невозможно. Попытки опорными шестами вытолкнуть катер на течение, чтобы уйти самосплавом, оказались бесполезными. Мне показалось, что в беспомощном положении мы простояли целую вечность, ожидая попытки захвата. Но вот наконец наши корабли начали бить по берегу, и вдруг появляется «лапотник» – так мы называли мобилизованные гражданские колёсные пароходы, которые часто нас выручали в сложных ситуациях. Несмотря на огонь наших кораблей с дальних позиций, пулемётный огонь с берега по пароходу японцам вести всё-таки удавалось довольно плотный. Но, невзирая ни на что, Шинкарёв лихо подошёл почти вплотную, подал мне на корму буксир, с ходу снял меня с мели и вывел из зоны обстрела.

Он закончил рассказ и обратился к Караваеву:

– Как я помню, наше командование капитана и ещё кого-то с вашего парохода представило к наградам. Вы получили их?

– Капитан получил орден Красной Звезды, а рулевой, который был тогда ранен, – медаль, по-моему, «За боевые заслуги».

– Только двое?

– Да.

– Это несправедливо! А вы в этой операции участвовали?

– Весь экипаж был задействован по боевому расписанию.

– Да, конечно... Но почему только двое?... Это явно дело канцелярских чиновников, – продолжал недоумевать комдив.

– Награждены были особо отличившиеся: капитан командовал, а рулевой подавал выброску, крепил буксир, – высказал своё мнение Караваев.

– Да, командовал-то капитан лихо: при таком плотном огне даже в рубку не заходил. А как действовали вы?

– Я стоял за штурвалом. Рубка-то у нас была бронированной – здесь самое безопасное место, и я меньше, чем ребята, работавшие на открытой палубе, подвергался опасности. А вот из них кое-кого стоило тогда наградить – так капитан считал.

– Капитан, конечно, прав. Экипаж действовал отважно! – заключил комдив и, обращаясь к командиру корабля, сказал: – Вот видишь, как бывает: сэкономили лимит наград для себя. Я ещё как-то раз наблюдал, как они десант высаживали и поражался их отвагой. Понимаешь, пароход совершенно незащищённый, не имеет никакого вооружения и выполняет боевые задачи. Боевой корабль, подходя к месту высадки десанта, всеми своими огневыми средствами подавляет огонь с берега, а этот как будто не замечает огня, подводит десантную баржу и удерживает её, пока не высадится десант. Капитана, наверно, спасала трубка. Он и сейчас с ней не расстаётся? – спросил он Караваева.

– У него их несколько, но одна всегда во рту.

– Я часто с благодарностью вспоминаю ваш пароход «Сормово» и лихого капитана Шинкарёва. Как только вы встретите его, обязательно передайте от меня огромный привет! Мы будем помнить боевые заслуги его и всего экипажа парохода «Сормово»...

3

...Вспомнился этот рассказ, поведанный мне несколько лет назад капитаном Караваевым. И так хочется, чтобы знали и Шинкарёв, и Караваев, и многие другие, уже ушедшие от нас, кто в составе флота Амурского пароходства оказывали в войне неоценимую, а иногда, может быть, и неоценимую помощь нашим Вооружённым Силам в разгроме японских войск в Приамурье, что МЫ СВЯТО ЧТИМ ПАМЯТЬ О НИХ...

ЛЕТЕЛА ГАГАРА

РАССКАЗ

Елена СУПРАНОВА,
г. Владивосток

Елена Павловна родилась и живёт во Владивостоке. Преподаёт в колледже финансовые дисциплины. Публиковалась в журналах «Дальний Восток», «Звезда», «День и ночь», «Сихотэ-Алинь» и в других. Член Международной гильдии писателей.

Майка Елизарова-Колпакова в свои восемнадцать многое повидала в жизни. Но не всё. И осознание этого очень уж её угнетало.

Вот и доктор говорит невразумительно, жуёт слова:

– Вам, Елизарова-... Колпакова... Майя Фе-до-ров-на, снова требуется пройти полное об-сле-до-ва-ни-е... Полное. – Доктор Мишечкин забрал зубами нижнюю губу, слегка помял её. Майка наморщила лоб, глубоко вздохнула. – Потом назначим повторное лечение... Есть статистика... Она – за химию... И лекарства новейшие, должны помочь, – сказал, назидательно выстремив вверх указательный палец. – Второй курс надо... По-про-бу-ем, а?.. – он вдруг начал бить кулак о кулак. – Настоятельно советую... Требуется вам снова... Всего-то делов!.. Почему приходите одна, родители хоть знают?

– Так у меня это не затухло? Чего ж вы мямлите! Ну и вешалка получается! Доктора чудовые, блин. Родители... Я взрослая, взрослая! Говорите прямо и называйте вещи своими именами! Хватит изюм косить!

Её зазнобило, скулы свело от безысходности... Но слез не было. И тогда она заскулила щенком.

Господи, помоги ей!

Оказавшись на улице, Майка свернула в подворотню и, прижавшись виском к выступающему оконному карнизу, постояла так. Приказала себе: поплачь, пожалей себя! И полились слёзы от обиды на слова доктора. Губошлепство какое-то, а не разговор! Сглатывая слезы, она представила себя на месте доктора. О! Её приговор был бы жёстче, яснее и убийственнее. Значит, решила она, он этим разломанным на части словам придавал меньше значения. Надеялся он что ли? А на что? Снова ходить в шапочке, прикрывающей редковолосье. «Химия долбаная! Я настоящая страшилка, теперь уж точно, меня не возьмут в театральный... Выступает Майя Елизарова-Колпакова! Ах, её предки купеческого сословия... или даже она из дворян... Это которая: лысеньякая?..»

Летела гагара, летела гагара на вешней заре, летела гагара с морского утеса над тундрой сырой...

Неожиданно увидела у ног жёлтые глаза маленького пуделя. Погладила его по голове, икнув пару раз от слёз, попадающих в рот: «Ну, пёсик, ты чей, а? Ничей же, да? Мой ты, мой. – Майкины глаза мигом просохли и засияли от сбывшейся мечты. – Псинка породистая, гав-гав! Драгоценность моя. – Немного подумала, как же его назвать. – Пес-ка-рик ты мой, рыбка плотвичка, козьячка. Вот теперь у нас тандем. Пескарёнок, рыжinka. Пес-ка-рик».

Нащупав под густым собачьим ожерельем ошейник, достала из сумочки свой узкий брючный ремешок, привязала его и уверенно позвала:

– Скарик, рядом!

Испытать волюшку до конца, надышаться воздухом сво-

боды... Если уж идти на химию... Уж если идти ещё раз, так лучше бы после всего жизненного, пропустив через себя её очарование что ли! Эх доктор, доктор, сам еще коржик молодой, тоже ничего не повидал в жизни... Советует он Майке... Химия – это ж такое... такое... И скоро подойдёт она к тому, что день завтрашний уж больше не представит...

Пудель обрадовался хозяйскому поведению, обретя снова определённую, статус домашнего пса. Как там говорят: от тюрьмы да от сумы не зарекайся? А если осталось жить не полжизни, не четверть... лишь месяц-два? Ни сумы, ни тюрьмы уж не будет... И есть ли у неё эти два? Ведь там внутри он все оплёл, задушит, гад!.. Куда же Скарика потом?

...А там на болотах, а там на болотах брусника цвела, а там... на болотах дымилась туманы, олени... паслись... паслись... паслись...

Повтор, повтор, повтор... Сердце не хотело стучать, и снова подступали слёзы... Ну, давай, Майка, попробуем ещё раз!.. Майя!..

Холодно. После лета всегда недостаёт тепла. Погреться бы...

Посмотрев на множественные вывески во дворе, остановилась на одной: «Массажные услуги». Терять нечего, можно умереть и раньше, от простуды например. И всё же...

– Кто там? Добрый день, дорогая! Раздевайтесь, шубку вешайте в коридорчике, а сами – сюда, сюда! На улице похолодало, а у нас тут тепло. Ау-у! Я занята, проходите сюда, пожалуйста!

Шубки на Майке не было, а вот собачка породистая рядом. Боком пролезла в створчатую дверь: «Скарик, иди же!»

– О! Какая славная! Миленькая! Модненькая! Породистая – сразу видно. И у нашей Лидусеньки есть Капочка. Посмотрите сюда: мы девочка пудель, только посветлее. Или такая же?.. Бывает же!.. Слово братья – собачки. Занимайте, будьте любезны, топчанчик рядом. Я только-только начала колдовать над нашей постоянной клиенткой Лидочкой. Лидусик, вам удобно будет полежать минутку? Сделаем минутный перерывчик, дорогая, – я новенькую уложу рядом. Собачка ваша – не драчливая? Нет?..

Не драчливая. Собачка наша с понятием: – «Лежать!»

Вытянувшись в струну под простышкой, Майка с удовольствием закрыла глаза в предвкушении процедуры. Первый раз... в первый класс. «Первую химдозу (и первый массаж) наша Майя получила в восемнадцать... И ведь молчала. Терпеливая. Ничего-ничего нам с батькой не говорила! Скрытная очень. Я в церковь ходила, Бога просила, но было поздно...» – примерно так потом маме подругам будет рассказывать после всего, что закончится этим жутким словом... смерть.

Слово произнесено. Но оно не показалось ей страшным. Смерть – и всё! Легко произнести.

...Летела гагара, кричала гагара, махала крылом, летела гагара над мохом зеленым, над синей водой...

И она, смахнув вдруг набежавшие слёзы, произнесла это навязавшееся слово. Про себя. Фу, не так уж и страшно, привыкать надо к этому, надвигающемуся...

– ...Лишь седьмая процедура... Вы говорите: горящая путёвка? Тогда после, когда вернётесь из отпуска, в бассейне с голубой водой наплескавшись, на морском песочке належавшись, мы продолжим. За эти три я возвращать не стану, да, Лидусик? Договорились. А чемодан собрать успеете? Уже. От меня – прямо в аэропорт? Здорово! Завидую. Там всегда тепло... Средиземноморье... Когда вернётесь, муж обрадуется, увидев вас – шоколадную от загара...

Выпростав руку из-под простынки, Майка ощутила легкое движение воздуха. Прохладное. Это Скаррик под топчаном головой покрутил, лизнул. И вдруг: в чём же она домой-то пойдёт, ведь одежда осталась в диспансере, там, в прошлой жизни...

Она спустила ноги на холодный пол и, обмотавшись простынёй, под кивок массажистки – понимаем, собачьи дела, выскользнула в коридор с пуделем, прижав к груди комок с одеждой. На вешалке висела лишь одна шуба... Эх!.. Её и надела Майка, сдёрнув с крючка сиротливо болтающуюся сумочку на длинной желтой цепочке, а заодно выкатила и чужой чемодан из-под вешалки... «Грохочет по ступенькам, чудище!» – с досадой подумала, сбегая по лестнице.

Хлопнув дверью, она уверенно пересекла двор, лишь мельком взглянув на оплаканный ею выступ оконного карниза, и вышла на многолюдную улицу – дама с чужой собачкой, в чужой шубе и с чужим чемоданом.

Стало зябко и неудобно: шуба надета почти на голое тело.
...Дымились болота, дымились болота на теплой заре. Дымились болота, туманились травы, брусника цвела...

Покрутила головой, сориентировалась: понятно, остановка – там. По пути зашла в магазин «Модная одежда». Пошарила по карманам шубы. «Скаррик, сидеть. Сидеть!» В одном нашла мобильник, очень дорогой, скомканные деньги: десятки, сотни, еще расчетную карточку. А в уголке-то номер записан – код... Эка растяпа! Шука безмозглая. Беспечность не оказуема. В другом кармане ничего интересного не оказалось, так, по мелочи: платочек, пуговица, вырванная «с мясом», несколько монеток. Сумочка больше обрадовала: кошелек, набитый долларами, турпутёвка в Испанию на Ибицу, паспорт и прочее – в дорогу.

Сняла несколько плечиков с одеждой и бельём, нырнула в примерочную. Облачившись в новое, подошла к кассе и протянула карточку:

– Там у меня должно было кое-что остаться... мелочь. Может, хватит на всё это?..

Хватило. Свитер мягкий, не «кусается». Обёртка получилась клёвая, упаковалась что надо! Хохотнула: вот так дама с чужой собачкой, в чужой одежде и с чужим чемоданом!

Есть вдруг захотелось, можно и в кафе подзакусить. Чемодан оставила в гардеробе.

Расположившись за столиком у окна с видом на многолюдную улицу, рассмотрела паспорт хозяйки шубы: Назарова Лидия Валентиновна, прописка по Аксаковской, 12, квартиры семь и восемь... А, понятно: соединили квартиры! Неслабо. Билет: дата вылета сегодняшняя, рейс в пятнадцать сорок. Документы собачьи. Еще три с половиной часа...

Мобильник выбросила в урну на выходе из кафе, вспомнив, что с ним легче определить.

Такси!

– Багаж серьёзный. Объём, говорю, большой. Да я за это не беру, я по весу. На курорт? Там тепло. Можно и шибче. Вот визитка с телефоном, обратно будете – так я тут как тут, встречу, доведу. С попутчицей – дешевле станет. Доехали быстро, это потому, что пробок нынче нет, а обычно... И собачку повезёте погулять? Ну, желаю всего!

«Зелёная» улица – это когда без препятствий.

Уф, самолет оторвался от бетонки! «Лечу», – прошептала она пуделю.

Сосед откликнулся

– Мы в прошлый раз только взлетели – и, нате вам! – вернулись. Может, с двигателем неполадки были? Всё же, что там у них случилось... А вы одна?

Ишь, подбирается, пельмень лысый! «Не одна, с собакой я!» Невзрачный, не в её вкусе. Майка решила не заводить знакомств, не тратить остаток времени, отпущенного на жизнь, на таких. Демонстративно нацепила наушники, натянула под подбородок плед... Хард клёвый, что-то из нового, вроде ещё не слышала, по мозгам не бьёт. Душевненькое музлё. Тепло, однообразное гудение укачивает...

...Дымились болота, дымились болота на теплой заре, дымились болота, туманились травы, брусника цвела...

Приземлились в Мадриде.

Ждала полицию. Можно ещё и очки надеть.

Приговор привести в исполнение! Есть. Пум! или кх! – готово.

Пронесло, тёрки не было, даже не отоварили. Медленно выглянула из-под капюшона: «Боюсь, когда по голове бьют...»

Предстояла пересадка на рейс до Ибицы. Расправила плечи, приподняла подбородок:

– Пёсик, ко мне!

На курорте нежилась на солнышке. Номер Singl – одноместный, завтраки, обеды и ужины – Full Board – полный пансион. Сойдёт, ещё как сойдет!

Море... Много солнца и моря! Утренняя свирель альборяды...

К вечеру второго дня почувствовала, что джинсы еле застегиваются. А для кого держать форму? Для дурака Славки? Так он и не заметил, наверное, что её в городе нет. Вернётся – разберётся с ним по-взрослому.

Из соседнего номера – Танька с Людкой – пригласили отметить приезд. Отказалась: надо ли теперь соблюдать традиции?!

Волосы отрастают щёткой. Можно и шапку забросить подальше. Болит... или не болит?

Насытившись свободой, солнцем и морем со стайками необычных рыбок, к концу второго дня она открыла чемодан. Чужое барахло. Под одеждой и обувью... расфасованный в пакетики белый порошок. Не фитюльки. Его хорошо упаковали, приклеили скотчем к днищу. О! Этого еще не хватало! Таможня ядрёная! На линейке стоите, так хоть бы не отвлекались! А ещё по телеку показывали: ученые собаки ищут наркоту!.. Пропустили с таким... Ученые... Но ведь пропустили! Ой! Мама, мама... «Мамочка!.. – застучала кулачками по подушке. – За что?» – прорыдала, не поднимая головы.

С трудом отрывала пакеты от липучки, дрожащими руками вспарывала их маникюрными ножницами и высыпала содержимое в ванну. Смывала горячей водой – пльвы, смерть, на простор океана...

Всё.

Руки всё ещё дрожали, но голова вроде не болела... Раньше не так болела... не о том. Так болит или не болит? Осталось жить всего ничего, а тут такое! Не до головы уж. И, главное, за что?! Матёрo повела себя, на дурика захотела прокатиться, вот и получила.

Маленький опыт подсказывал, что её будут искать, потом резать на куски и выбрасывать пёстрым рыбам кораллового рифа! Наезжалы выследят: мафия не шутит. Пора намыливать лыжи.

Она собрала пакеты, затолкала их в большой пакет с обувью этой герлы (будь она трижды проклята!), завернула его в шубу, и всё – в ещё больший пакет. Так с огромным пакетом и вошла в экскурсионный автобус. Куда?! Вы заняли два места! Ничего, потерпите, ей так надо.

В Старом городе выбросила пакет невдалеке от автобуса в мусорный бак, ржавый и вонючий.

Ха! В гробу она видела эту шалашовку Лидию с задвигоном!

Но что-то ей подсказывало: готовься!

И Майка приговорила.

Ближе к ночи она стала кататься в номере по полу и кричать дурным голосом: «Ой! Кто-нибудь! Помогите! Ой-ёй!» Пришли наши туристы – Людка и Танька из соседнего номера: «Говорили тебе: пропишись, заартачилась и вот получила!..» Вызвали врача. Врач – из местных – в чистом белом халате долго шупал живот, цокал, чуть высунув язык, потом всё же вызвонил машину – в госпиталь.

Но и там Майка не прекращала стонать и кричать, ещё и плакала почти настоящими слезами. Это было нетрудно, если учесть, что её жизнь – к концу, и она уже готовилась к другому. Тут не заплачешь – заревёшь!.. Диагноз всё не вырисовывался, хотя сутки пребывания в госпитале заканчивались. Предложили срочно отправить на родину. Затихла. Переводчица торопилась, у неё рабочий день кончался: уже лучше? Ага. Тогда – на ближайший рейс, через час. Автобус домчал быстро. Доковыляла до стойки регистрации. Злополучный чемодан регистрировать не решилась, оставила его у окна в аэропорту. Погуляла, девка...

«...Кричала гагара, кричала гагара над крышей моей, кричала гагара, что солнце проснулось, что море поет...

Домой.

Тело невесомое... Так болит или не болит?

Выглянув из-за стюардессы с высоты трапа, Майка разглядела внизу странную тройку примерно одного возраста – жуков серьёзных, в тёмных очках, и сразу же уверилась: за ней. Она сердечно простилась с соседями справа и слева, которые уже ступили на трап, и закуталась в плед, подаренный ей милым авиаперсоналом. Шубу-то она выбросила, а дома встретила минусовая температура, снегом подпоросило!

Молча протянула руки – в наручники берите меня. Прошли мимо.

«А как же я-то?! – хотела крикнуть Майка. И правильно сделала, что не крикнула. Им было не до того. У них другое задание.

Вот ведь, дурочка, что подумала! Кто же после такого светиться стал бы?! Ведь наркотики – не шутка!

На такси добралась до дому, прислушиваясь к своим ощущениям: болит или не болит?

– Донюшка моя, где же ты была так долго! – мать открыла дверь – и на кухню. – А мы с батюшкой только-только из Подольска, попроведали бабу Любу, – подала из кухни глос. – Вот пельменей настряпали, мяско домашненькое, Борька почти полтора года нагуливал, сейчас и поедим

все вместе. Чесночком пахнут... Закипают, миленькие! Ага? А ты что-то долго в магазине была. Мы думали-думали и позвонили твоему Славику. Он сказал, что ты в магазин пошла. Шалапут! Пошутил, – потом сказал, – она пошла в библиотеку. А ты и вправду в магазин бегала – с пакетом вот...

Широко раскрытыми глазами Майка рассматривала альбом, прихваченный ею из самолета: оранжевые черепичные крыши, оливковые сады, пальмы, галька и мелкие ракушки пляжей, стаи рыб... Стаи! Острый белый камешек на ладони – на долгую память о вечном лете. Два дня в отрыве, всего-то два дня... Глаза закрывались, закрывались... Сон навалился, но не тяжелый: на припёке зудели оводы, она, стоя по колено в воде, ощущала сыроватый йодный запах моря, рыбки щекотали ступни, дельфины тыкались мордами в ладони, и голос: «Мадам-товаись, купите вина-каву!» «Куплю», – подумала Майка последнее и провалилась в сон-бездну.

Проснулась она от сотрясения, которое учинил отец, будя раным-рано, – сама же наказала с вечера.

В больнице после осмотра доктор прятал глаза, снова выписывая направления на анализы, все cito; быстро сделали анализы. Болит? Не болит. Можно у двери посидеть, пропуская очередных. Успеется.

– Зачем тянули целую неделю с этим? – строго взглянул на неё доктор со смешной фамилией Мишечкин. Глаза у него добрые. – Затягиваете. Хотя... Вот при пальпации справа не обнаруживаю... И слева непонятно мне... Одевайтесь. Еще раз – марш на анализы! Cito! – и ко мне! Затягиваешь ты... то есть вы... – Он вдруг глубоко вздохнул и смолк.

Лучок бы сказал: оттягиваете. Ну да. Такое терпеть в восемнадцать-то лет – не приведи господь! Девичьим подсознательным чутьем Майка угадала, что доктор страдает от какой-то жестокой боли. Её боли – вдруг дошло до неё.

Показалось, наверное.

Снова коридоры больничные, шлёп-шлёп – тапками, на халате не хватает трех пуговиц из пяти... Санитарочка Нюся сегодня. «Опять к нам?» Опять. Нюся успела в третий раз выйти замуж, теперь за брянца, официально. А до этого был калужец, первый – туляк. «На родину зовёт, в деревню. И чего я там делать буду? Чухней пасти? Спасибочки! Мне и тут хорошо. Вот рожу ребеночка Кольке, он и смирится. Тут хоть комната есть при общей кухне, а там свекруха невзлюбит. Правильно? Так-то вот, всё правильно. А если к своей матери повезёт, то лучше Анной назовусь. Так ему и объявила: только попробуй – Нюркой!..» Теперь она Анна. По-городскому.

Врачи совещаются... Консилиум у них. Сквозняк откуда-то, а окна вроде все закрыты... Обритая голова мёрзнет... Почему же не болит?

Она сидела у врачебного кабинета недвижно, тесно сомкнув колени. Боялась пошевелиться и спугнуть загаданную долгую жизнь. Майка все время чего-то ждала от доктора, но ведь он не бог... Он, Мишечкин, не бог... А вдруг?

– Ну что, девка, трясёт? – пробежала мимо Нюся-Анна. Трясёт, аж подбрасывает на стуле.

«Елизарова-Колпакова!» Зовут или послышалось? Тарелками стучают – бряк, бряк... Не стучают, а брякают, раздача началась в стационаре: борщ и котлеты с макаронками, компот. Плакать хочется... Не плачь, Майка! Ну же!

– А-а-а, Елизарова-Колпакова... – доктор Мишечкин потёр острый подбородок. – Кстати, почему у тебя такая сложная фамилия – двусоставная?

– Н-не знаю-ю, – промямлила Майка. – Дедушкин отец выбился в люди, купцом стал, потом революция. Бабка промучилась с ней. В комсомол не взяли её. И я вот теперь...

– Па-а-нятна мне... – протянул доктор задорным голосом. – Надумал я на тебе жениться из-за фамилии, каюс! Графиня или дворянка? Женюсь, размечтался, на такой и перейду на её фамилию. Точно не дворянка?

– Нет, – зубы перестали стучать, и Майка вдруг оглядела врачей другими глазами. – Нет! Я замуж не хочу. Чего я там не видала?! – Доктор чуть склонил голову набок и особенным взглядом смерил её; она вздёрнула плечиком. – Пока не хочу.

– Да? А пора. В восемнадцать не возьмут – можешь в старых девках остаться, – сказал шутливо и с добродушным изумлением развел руками. – Ну, если надумаешь, – продолжал подшучивать доктор, – так обо мне вспомни, Елизарова-Колпакова. Мы тут посоветовались на консилиуме и сошлись на том, что было бы лучше: Колпакова-Елизарова, солиднее звучит. Тем более... Тем более что анализы получше вроде. Вроде бы получше, – повторил он. – Такое бывает. Но редко. А ты подумай, Майя, подумай! Елизаров-Колпаков-Мишечкин Герман Олегович... Ого-го! С таким тройственным составом и в космос можно. И карьерный рост тебе, и заграница... Еще раз анализы сдать нужно, Майя. Слышишь? Сейчас всё объясню тебе, – сказал он с бодрой простотой. – Меня слышишь?

– Слышу, да. Подумаю... – тихо произнесла она и выскочила в коридор.

«Ибица – один из Балеарских островов... Огромное число ресторанов с самой различной кухней ставит перед нами большую проблему – проблему выбора...» Вот ведь уроды! Не дали походить по городу! Задарма! Уроды и есть. Мафия проклятая! «...Ночная жизнь знаменита своими дискотеками, барами, ночными клубами, казино и шоу-представлениями, в отелях всегда...» Майка закрыла красочный альбом. Море. Белый песок. Ласковый ветер. Херес. Даже не успела попробовать...

– Май, а Май! – сунулась в комнату мать. – Там Славка в телефоне.

– Мам, ты ему скажи, чтоб скрылся. Навсегда. Лады?

Майка Елизарова-Колпакова в свои восемнадцать многое повидала в жизни. Но не всё.

Она сползла с дивана и стала поспешно натягивать одежду. Хлопнула в ладоши – пудель быстро соскочил с кресла, выражая готовность к прогулке.

– Май! – снова раздалось из-за дверей, – а Славка вчера с какой-то чувырлой у нашего магазина стоял. Она ему прямо на шею себя повесила. Батяка и то плюнул на такое. Кажется, эта из молочного отдела. Я батяке говорю: наша лучше. Лахудра крашенная! Может, ты бы волосы отрастила, а? И чего ты ходишь такая? Я свою косу уже в училище отчикала. Вот от матери досталось мне!..

«Зачем доктор сказал, что хочет жениться на мне?.. На мою фамилию перейдет... Так ведь меня-то не будет! Он на мне жениться задумал, а я умру?! Бедный доктор Мишечкин! Бедный-бедный-бедный Скарлик! – снова подступили слёзы. – Кто же тебя будет выводить гулять, когда я... когда меня не будет?.. Вы, все! Меня не будет, а вы...»

Полюбить бы ей... Пришла пора полюбить. Так хочется любви!

Теперь уж никто и никогда не научит её беззаветно любить... Никто. Никогда.

...Кричала гагара, кричала гагара над крышей моей, кричала гагара, что солнце проснулось, что море поёт...

«...Субтропический климат острова делает его излюбленным местом отдыха для любителей подводного плавания...» – шептала она в лифте.

«...Всего в каких-нибудь двух с половиной километрах от Ибицы – замечательные белые пляжи Таламанки...» – тихо шелестел её голос на улице, повторяя прочитанное. Но шаги заглушали слова. Её шаги. «Каждый шаг – точка, дойду до последней, а там... Только опоры нет. Славка не опора. И его лахудра из молочного не причина, лишь повод. Кто ты такой, Славка, а? Ну, кто ты такой? Разве из-за тебя я бы пошла на голгофу? Разве для тебя пересекла бы море-океан? Да я тебя там ни разу и не вспомнила! Я там такое повидала... Такое там... небо! песок! птички, рыбки-и-и...»

Снова и снова плакала она, воображая себя гагарой, врывающейся прямо в зеркальную гавань Platia de Talamansa. Густое оперение на ней... Она в нём... в белом. Маленькая черная голова гордо посажена на длинную шею утицы. А рядом... гагара-селезень. Красивый, сильный... Похож на доктора Мишечкина. Лапами красными гребёт прямо к ней... Знакомиться метит. Познакомились... Обнялись... «Какой же он весь уютный, под крыло вся и вмещаюсь...И ничего не болит...»

Почему же ничего не болит?!

– Вот ведь какое дело, Елизарова-Колпакова... Смотрите: дождь. Как зачастил! Кажется, уж и дня нет без дождя... И волосы отрастают... Вам, Колпакова, идёт... То есть наоборот, Елизарова... Вам, барышня... У вас... и нет уж ничего. Такое бывает на этой стадии... Бывает. Но редко. Помогло лечение. Вроде вы здоровы, Колпакова-Елизарова, – я подумал, всё же так лучше. Кстати: нам тут билетики распространяли на спектакль. Пойдём...те?

Нюра-Анна на пути стоит, руки закалчила: «А я тебе, девка, в ночное дежурство шапку связала, чтоб голова не мёрзла...» Глаза мокрые...И у Майки тоже. Тапки сбросила... Вот она, свобода!

...Что солнце проснулось, что месяц гуляет, как юный олень. Что месяц гуляет, что море сияет, что милый мой ждёт!

Свобода. Она вздрогнула от восторженной мысли:

«Я гагара. Я. Я. Я!»

Гордо плыву по зеркальной глади Platia de Talamansa... Где же мой селезень... Мишечкин?

Я свободная гагара. Я. Я. Я!

Хочу – косу ращу, а не хочу – и не буду. Славка меня не искал, а ещё дружбаном считался.

А я рада. Рада. Я. Я. Я!

Не заплачу! Никогда. А если заплачу... Если я заплачу... То лишь по прошлой короткой жизни в границах истории болезни Елизаровой-Колпаковой. Нет больше Елизаровой-Колпаковой. Есть Гагара.

И есть артистка Майя Гагара – главная, народная – на веки вечные! На длинную, длинную жизнь».

Майка Елизарова-Колпакова в свои восемнадцать многое повидала в жизни. Но не всё. Однако осознание этого её уже не угнетало.

КРИК ДУШИ

Виктор ВЛАСОВ,
г. Омск

Новый день. Как только белеет окно, я чувствую прилив сил, покалывает в пальцах, хочется работать. Иногда физически, но в основном умственно-творчески. Умывшись прохладной водой, я словно заряжаюсь, как батарея, мощная и огромная, но только мыслями и образами. Ещё не взялся за перо, но уже представляешь, как станет выглядеть это произведение, будь оно художественное или публицистическое. Садись за компьютер, за свою «печатную машинку» и творишь быстро-быстро – руки не успевают за мыслями, пальцы щёлкают по клавиатуре. Бегут буквы, слова, предложения. Написал. Несёшь к мэтрам, признанным писателям или поэтам. Говорят, мол, слабовато, с язычком проблемы, «блех» многовато, предложения «кривые».

– Ты что, не русский? – спрашивают как бы невзначай.

Сердишься, исправляешь в каком-то остервенении. День за днём трудишься, чтобы соблюсти назначения. Не выходишь на улицу, не общаешься ни с девушкой, ни с друзьями. Корпишь, закипаешь, плохо спишь. Занимаешься одним, например, спортом или поглощён работой, тем, что действительно приносит хлеб, но мыслями снова возвращаешься к сюжету, предложениям, художественным средствам. Кажется, спятишь, постоянно думая об этом. И наконец-то чувствуешь: получается. Хотя не уверен, надо показать светилам, они рассудят вернее. Сделал, довёл, «докипятил», ждёшь дня, когда придёшь и представишь на их суд собственное литературное детище.

– Понимаешь, поверхностно как-то. Хотя сюжет довольно ничего и средства использовал вполне подходящие, но не то. Пойми... Подумай... – отвечают, щурясь, неохотно, будто с большим трудом.

Ты обижаешься, закипаешь, становясь не в себе, бормочешь невзвешенно. Даже кричишь на него или на неё, объясняешь, сколько ушло времени на это, сколько думал и работал. Им всё равно. Кивая, ответят, мол, понимают, сами когда-то волновались, посоветуют пока не писать. Больше читать.

Ты не можешь не писать, заражён, словно болезнью, неизлечимой, обострённой как никогда. Внутри горит, в груди как будто замурован раскалённый уголёк и вынуть его невозможно. Не можешь спать; бывает, не можешь есть, потому что еда кажется безвкусной и порой противной. Больше всего ты

хочешь увидеть себя напечатанным в каком-нибудь авторитетном литературном журнале. Да прямо так – «чёрным по белому»!

Со временем удаётся благодаря стараниям и помощи, наверное, свыше. Публикуют. Но только в местном издании с тиражом не более ста экземпляров. Приносишь, хвалишься, надеешься на похвалу. И, конечно, хвалят, но как-то неискренне, натянуто улыбаясь, добавляют:

– Выше надо метить, выше! Не пиши ты, всё равно не сможешь написать, как наш... у него, знаешь, сколько книг и публикаций? Все его знают!

Ты одновременно радуешься его публикации и сердишься на человека, который пишет больше тебя, и на того, кто ставит его в пример. Ты хочешь немедленно оказаться ещё в каком-нибудь издании «повыше».

Снова закрываешься дома на долгое время, выдаёшь большую вещь и веришь, что оценят и посоветуют. А они вместо того, чтобы обрадоваться и просто похвалить, говорят, мол, времени нет, мы специализируемся на коротких вещах, а у тебя – много.

– Сначала надо научиться короткие вещи писать, а потом на большие замахиваться!

Тебя бросает в жар, злишься. Но выше головы не прыгнешь. И возвращаешься домой медленно и неохотно.

Что приносит новый день писателю? Суматоху, тревожные мысли, которые мечутся в поисках сюжета, или отраду, если пришло извещение на почтовый ящик или положительный ответ – на электронную почту? Что приносит новый день редактору? Кучу рукописей, иногда «сырых», некачественных произведений, апатию или наоборот – дикое желание работать, являть свету новые имена? Ведь написать одно, а редактировать – другое. Знакомый поэт, приходя в родное литературное объединение, читает стихи снова и снова. Слушают его мало, давно уже не воспринимают. Перебивают, разговаривают в голос, похихатывая иногда. Но он всё равно идёт, просит несколько минут и читает. И неважно, услышаны его стихи или нет, главное он их прочитал. Другой – также поэт, но и главный редактор литературного журнала, лет ему больше на несколько десятков. Он читает всю выходящую в родном городе литературу, чтобы критиковать, чиркать прямо в книге, искать авторскую глухоту, плевать, браниться,

иногда запускать её из окна, показывать, насколько стали безграмотными вокруг редакторы и писатели. Нередко можно прочесть его короткие рецензии: «Если говорить честно, то журнал... находится в агонии – одной из стадий умирания, когда вдруг что-то начинает шевелиться... Но это шевеление неконструктивно и непроизводительно. Это не является литературным изданием хотя бы потому, что стороннему читателю невозможно где-то его приобрести, а электронной версии у него нет. Следовательно, хвалиться им незачем. Создавать журнал лишь для одной писательской организации? В цвете, с цветными иллюстрациями? Что-то есть в этом от самолюбования, самовосхваления, хотя, замечу, можно ли гордиться собственной агонией?..»

Порой устаёшь. Хочется не испытывать напряжение. И приходишь на обыкновенный кружок самодеятельных авторов. Обычный, где никто не претендует на гениальность и нет амбиций. Кружок литераторов не состоит ни при каком творческом союзе писателей, ребята в нём простые, хотят пообщаться и при этом попеть, почитать стихи, устроить чаепитие, рассказать друг другу новости. Слушаешь и по привычке ждёшь колких замечаний, надменных взглядов. Их нет, и ты расслабляешься, отдыхаешь. Но и в таком коллективе становится быстро скучно. Скучаешь по прежнему напряжению, по давним ощущениям, по тайной вражде, по невидимому соревнованию.

Пробиваться к более значимой аудитории нелегко. В издании журналов, как на рынке, – своя конкуренция. Твои оппоненты не дремлют, они всегда в поисках хорошего автора, критика, который будет писать статьи по заказу (ведь сильный критик в наше время – находка, критики способны повергать авторов, затем их издателей в ужас). Твои оппоненты-издатели постоянно в поисках «пищи», постоянно в движении, как акула, которая не может не двигаться, потому что если останавливается то

начинает задыхаться (особенность строения жабр морского хищника). Атмосфера подкопов, интриг всегда сопровождает бытие коллектива, наводнённого такими же хищниками, как ты. Литературный фронт... это понятие не устареет. Пусть на вручении премии, затем на презентации, мило улыбаясь, говорят: «В литературе нет врагов, нет конкурентов».

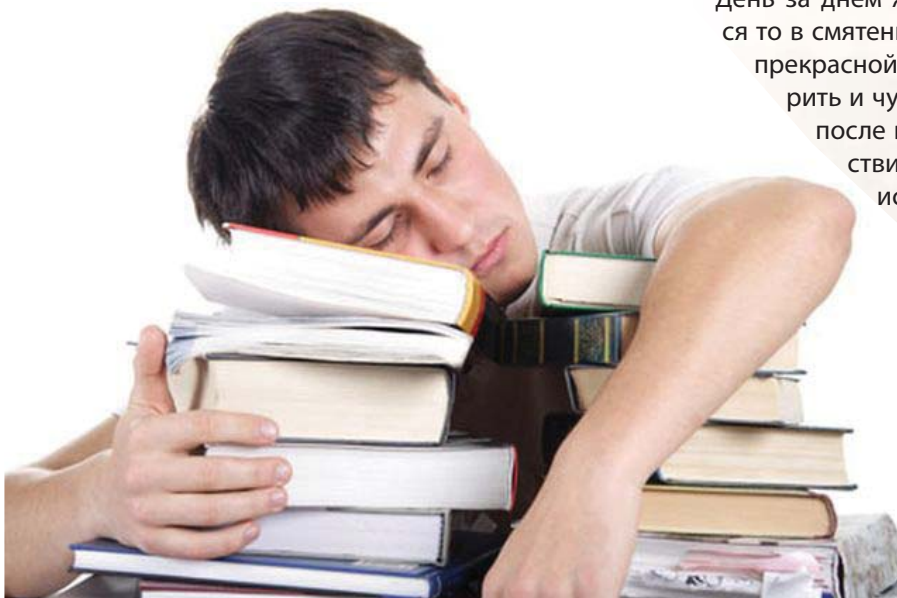
Премии ведь дают только избранным и напечатаны в данном издании тоже лишь избранных, остальные не вошли в диапазон, значит, не прошли отбора. Значит, не удалась как авторы. Пусть попытают судьбу в ином издании. Ниже уровнем или выше. Так с годами постигаешь соревновательный дух в литературе. Как в любом единоборстве, здесь могут быть правила, а может их и не быть. В бою... нет, пожалуй, «бой» – слишком пафосно – в обыкновенной уличной драке ты свободен, выбираешь тактику и приёмы сам. Так же, собираясь писать, выбираешь форму и содержание, ни на кого не равняясь, лишь с поправкой на противника. Читая элитный литературный журнал, ты обдумываешь своё новое произведение. Оно должно быть настолько сильным, чтобы могло превзойти по мастерству уже опубликованных авторов, настолько интересным, что никто и не будет вспоминать их.

Господь Бог или демон, булгаковский ли Воланд, Люцифер Данте Алигьери, но заставляет настоящего автора писать. Заставляет гнаться за количеством публикаций, издавать книги нередко в ущерб своему бюджету, прорываться к премии, к почёту, выступать дерзко, оставлять за собой осадок страха, зависти и, наконец, ненависти.

Муза не приходит – она в последнее время редко навещает. Приходит в основном к поэтам, смазливый, с красивым лицом. По крайней мере, я так думаю, поэтому не надеюсь на неё. Зажигаюсь сам в необходимое время. Как Бернард Шоу, который писал, что садясь за стол, не вынашивает в голове ни единой строчки. Они приходят сами, стоит лишь представить образ.

День за днём живешь в ожидании, находишь – то в смятении из-за отсутствия сюжета, то в прекрасной эйфории, когда начинаешь творить и чувствуешь вдохновение, а потом, после выполненного плана, с удовольствием думаешь, что на сегодня долг исполнен.

Завтра... И снова в поисках... не сразу поймёшь, кто для кого: литература для тебя, или ты – для литературы? Великие утверждали, что нужно любить не себя в искусстве, а искусство в себе. Молодость более нетерпелива. Всё очень просто: нам не жить друг без друга! Очередной день настанет, как новый день пути в литературу.

НИНИНО СЧАСТЬЕ

Ирина ШУКЛИНА,
г. Владивосток

Снег, начавшийся еще ночью, сыпал огромными мохнатыми хлопьями весь день.

Красиво, конечно, очень поэтично и все такое... Но Нине не до сантиментов.

Свой рабочий день она отстояла, как всегда в Osborne холода, в валенках и тяжелом неудобном тулупе. Это когда выпадает денек потеплее, без ветра, Нина натягивает на себя два толстых свитера, китайский пуховик и громадные сапоги того же производства, купленные с таким расчетом, чтобы можно было надеть несколько пар носков. В такой "амуниции" все же полегче, в тулупе-то не развернуться. Но сегодня очень уж холодно.

Ну да ничего, недолго осталось мерзнуть, еще чуть-чуть – и весна. Снежный накат начнет таять, повсюду образуются лужи, того и гляди ноги промочишь. Потом стой весь день в сырой обуви, поджимай стылые влажные пальцы да пританцовывай, поглядывая на часы: скоро ли домой?

Это если не сообразишь, что на сапоги можно надеть галоши. Нина в первую весну не сообразила, а сейчас ученая стала, приспособилась – так что работать можно.

В дождливую погоду, правда, тоже несладко приходится. Большущий сине-красный зонт, мягко говоря, мало помогает в этой ситуации. Но Нине в голову пришла неплохая идея, и она принесла из дома широкую клеенку.

Все очень просто: цепляешь ее прищепками по краю зонта, и образуется своего рода будочка. Уютненько, чайку горячего купишь в ближайшем киоске – благодать.

А там и до лета подать рукой. В это времечко вообще грех не работать. Смотришь на беспечный веселый народ в шортах-футболках, и душа радуется.

Правда, в прошлом сезоне Нина потеряла сознание от духоты. Но это же не каждый день случается! Подумаешь, посидела потом с полчасика на стульчике, пока черные круги перед глазами не пропали – и снова как огурчик.

Четвертый год Нина работает на рынке в городе. Продает "заморозку" – пельмени, вареники, котлеты, словом, полуфабрикаты. Покупатели знают и любят Нину, идут к ней с удовольствием.

Работает Нина в городе, а живет в деревне двадцать минут на автобусе – и она дома.

Но сегодня автобус не пришел. Из-за снегопада.

Нина знала, предчувствовала, что последний рейс отменят. Но все же надеялась на лучшее, надеялась отчаянно. Как на чудо.

На продуваемой со всех сторон ветрами остановке – куча народу. Темно и холодно. И хочется плакать от безысходности, зябко поджимая в рукавицах заледевшие пальцы. А автобуса все нет, и Нина давно уже поняла, что не будет.

Можно, конечно, уехать на такси, но на поездку уйдет почти вся Нинина зарплата за сегодняшний день.

«Если б было место хоть поломойки какой-нибудь в нашей деревне – не раздумывая пошла бы», – в который уже раз, стуча ногами, повторяет про себя Нина.

Павлу, мужу ее, повезло больше. Он тракторист и сумел пристроиться в селе.

Может, Нина и не работала бы вовсе, вдвоем на Павлову зарплату как-нибудь прожили бы. Да Ленку, дочку, выучить надо, на третьем курсе уже.

Господи, как же холодно, как домой хочется, чаю попить с липовым цветом – и в теплую постель...

Неожиданно, приветливо и радостно светя фарами, к остановке подкатывает автобус. Через несколько минут салон его до отказа набивается продрогшими, но взбудораженными и ошалевшими от удачи пассажирами.

Нине досталось место у окна – повезло. В салоне сумрачно и тепло. Автобус трогается с места, и Нине кажется, что вот оно, счастье.

ПРЕОДОЛЕВАЯ НЕДОУМЕНИЕ

Александр Бондаренко в статье «Много хороших стихотворений?» («ЛитМ» № 5 (43), 2011), имея в виду прочитанные им в разных номерах «Литературного меридиана» стихи, пишет: «Я не критик, а читатель, поэтому не стану сравнивать, что лучше, а что хуже». У меня сразу возникает несколько вопросов к Александру: во-первых, кто вам сказал, что приоритетной (и едва ли не единственной) обязанностью критика является сравнение стихов разных авторов с целью выявить лучшее? А во-вторых, мне непонятно, как согласуется ваша, Александр, фраза «я не критик» и то, чем вы занимаетесь в своей статье. Удачная или нет – вопрос спорный, но ваша статья – именно попытка критики.

Не претендуя на безусловную правоту, приглашаю читателей обратить внимание на изъяны критической мысли А. Бондаренко.

Придирка к стиху **В. Кулешова**, на мой взгляд, несправедлива: «Три старых бабки, три подруги...» Немного *читательской* фантазии, и обладательницу «корявой руки» мы обнаруживаем за упомянутым в стихотворении столом. Почему «картинку» не увидел Александр, я не знаю.

Стремление А. Бондаренко к чистоте «русского литературного языка» заслуживает уважения, но где та грань, за которой поиски истины превращаются в вызывающую смех «ловлю блох»? При желании «нелепость» можно легко отыскать даже там, где её отродясь не было. В той же подборке Валерия Кулешова посмотрим на стихотворение «Оттепель в январе». Первый стих: Ты забрела в безлюдный сквер... Почему Александр Бондаренко не спрашивает автора стихотворения: кто эта «ты»? почему забрела, а не зашла? почему в сквер, а не в парк? и отчего, собственно, сквер – безлюдный?

Теперь поговорим о ненавистном Александру слове **как**. Странное дело – А. Бондаренко признаёт это слово литературным, но отказывает ему в праве занять место в поэтической речи. И терзают Александра сомнения в художественности языка авторов стихотворений, осмелившихся употребить злосчастное слово.

Заглянув на сайт Википедии или в самый распространённый словарь **Ожегова**, мы узнаём, что «слово» **как**, оказывается, не просто слово, а в зависимости от способа употребления – и местоименное наречие, и союзное слово, и союз. То есть – полноправный член предложения, без которого очень часто невозможно обойтись, даже если это не по нраву кому-то из критиков. Понятное дело – А. Бондаренко намекает нам на неблагозвучие, возникающее при произнесении, например, союза **как ни** и союза **как и**. И что же теперь – союз существует, литературная норма подтверждается словарём, а пользоваться нельзя? Быть может, всё несколько проще, и дело лишь в *злоупотреблении* этими «каками»? Однако использование всего лишь двух союзов в большой подборке талантливейшего **Николая Зиновьева** вряд ли можно назвать злоупотреблением.

И совсем непонятно, что не устраивает г-на Бондаренко в стихе **Веры Гундаревой**: «Другим наука? Как бы не так!». Конструкция **Как бы не так!** выражает

несогласие лирического героя и использована в стихе в соответствии с авторским замыслом. Ни ошибки, ни перегиба здесь нет.

В своей, как мы видим, не очень логичной нелюбви к слову «как» Бондаренко не прочь «опереться на классиков». Но побойтесь Бога, Александр, сходите в библиотеку, полистайте тома великих русских писателей и поэтов – нелюбимое вами слово отыщется у каждого из классиков.

Благодаря критическим изысканиям А. Бондаренко, я несколько раз возвращался к статье **Эльвиры Кочетковой**, обращая пристальное внимание на то место, где Эльвира упоминает в ряду прочих арсеньевский альманах «Синегорье». Подобно нашему критику, я также прочитал все выпуски этого издания. И мне есть что возразить А. Бондаренко на его нелестные высказывания в адрес арсеньевского сборника. Действительно, за все годы выхода в свет «Синегорья» лишь однажды к публикации был приглашён член Союза российских писателей. Но не наивно ли определять художественные достоинства текстов сборника поэзии и прозы исключительно по наличию у авторов членского билета? Не секрет, что великая **Марина Цветаева** ни в каком СП не состояла, отменяет ли эта данность её профессионализм, Александр? В «Синегорье» есть что почитать. Далеко не всё заслуживает признания, но ровные стихи и добротную прозу там найти можно. При желании читать, а не проводить время в поисках мелких и крупных огрехов.

Однако комичность упоминания о «Синегорье» Бондаренко ещё и в том, что Эльвира Кочеткова в своей статье не называет ни «Синегорье», ни «Артемиду», ни «Лиру», ни «Сихотэ-Алинь» профессиональными или непрофессиональными. Э. Кочеткова говорит о пёстрой многочисленности изданий, заслуживающих внимания **А. Лобычева**. По Кочетковой, «не всё равноценно». Но ведь именно так и есть, Александр!

Что касается оценки Александра Бондаренко стиха **Юрия Кабанкова**, то она не выдерживает никакой критики. Во-первых, **ли**, вопреки несогласию Александра, вполне органично согласуется с глаголом **сеем**, а во-вторых, союз **ли** в данном случае оформляет неуверенный вопрос. Никаких отклонений от литературной нормы в стихотворении Ю. Кабанкова не наблюдается.

«**Не понимаю**» – именно этой фразой А. Бондаренко можно охарактеризовать его же отношение к стихам Веры Гундаревой. Александр пытается навязать читателю своё мнение, выдавая его за безусловную истину. Он походя отказывает стихам Гундаревой в праве именоваться литературой. На вашем месте, Александр, я не был бы столь категоричен во вкусовых оценках, не подтверждённых доказательствами. Вы не задумывались на том, что далеко не все и далеко не всегда непонятные нам стихи нужно называть «бессмыслицей»?

Даже преодолевая недоумение, никак не могу принять «не критику» «некритика» Александра Бондаренко.

Антон СЛЕПНЁВ,

г. Хабаровск

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **ОДИН** раз.
 2. Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (полностью) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**). Текстовые файлы принимаются в формате WORD.
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Ко'стылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные отписки **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2011 ГОД

Стоимость полугодового абонемента – 300 рублей, годового – 500. Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Ко'стылева Владимира Александровича** по адресу издания:

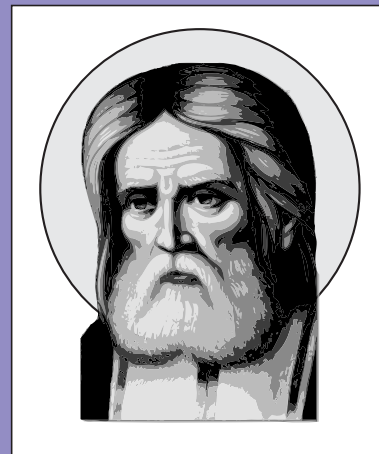
**692342, Россия, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16, редакция ежемесячника
«Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой (по указанному подписчиком адресу). Никаких дополнительных затрат подписавшийся **НЕ НЕСЕТ**.

Наш сайт: www.Litmeridian.ru

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ
АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА,
А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ.**

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

ТРОПАРЬ, ГЛАС 4

От юности Христа возлюбил еси,
блаженне, и Тому Единому работати
пламенне вожделев, непрестанною
молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же
сердцем любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия Матере
явился еси. Сего ради вопием ти: спасай
нас молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

г. Токио. Фото Сергея НАЗАРЕНКО, г. Арсеньев

